

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ «ИНСТИТУТ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И СРАВНИТЕЛЬНОГО
ПРАВОВЕДЕНИЯ ПРИ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

На правах рукописи

Допущена к защите

и.о. Заведующего кафедрой
частноправовых дисциплин, к.ю.н.
Антонова Е.Г.

«____» _____ 2026 г.

ЖДАНОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА

Выпускная квалификационная работа

**«Оспаривание сделок и иных действий должника при
несостоятельности (банкротстве)»**

По направлению подготовки 40.04.01 «Юриспруденция»

«Корпоративный юрист»

Научный руководитель: Османова Диана Османовна, к.ю.н., доцент

Рецензент: д.ю.н., профессор РАН О.А. Беляева

Рецензент (внешний): генеральный директор ООО «РИО» Д.А. Ротенберг

Москва 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретико-правовые основания оспаривания сделок должника.....	10
§1.1. Оспаривание сделок должника: понятие и виды.....	10
§1.2. Теории оспаривания сделок должника.....	18
§1.3. Правовые основания оспаривания сделок должника.....	27
Глава 2. Сделки и иные действия должника, подлежащие оспариванию.....	43
§2.1. Понятие сделки в процедуре банкротства.....	43
§2.2. Классификация сделок, подлежащих оспариванию в процедуре банкротства.....	52
§2.3. Иные действия должника, подлежащие оспариванию в процедуре банкротства.....	74
Заключение.....	88
Библиографический список.....	92

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

Особенностью института несостоятельности является то, что он призван, с одной стороны, противостоять индивидуальным интересам отдельных лиц, а с другой – обеспечить защиту их прав и интересов, а также стабильность рынка в целом¹.

В контексте банкротства защита интересов кредиторов обеспечивается посредством удовлетворения их требований, что напрямую связано с объемом конкурсной массы. Поэтому ее наполнение играет ключевую роль в процедуре банкротства. Оно осуществляется посредством разных правовых механизмов, ключевым из которых является институт оспаривания сделок должника².

Такой вывод подтверждают обнаруженные статистические данные³: по заявлениям о признании сделок недействительными в 2020 году принято 10 476 заявлений (из них удовлетворено 4 046), в 2021 году — 15 337 (удовлетворено 6 089), в 2022 году — 18 085 (удовлетворено 7 615), в 2023 году — 21 538 (удовлетворено 8 651), в 2024 году — 24 669 (удовлетворено 9 552), в 2025 году — 23 478 (удовлетворено 8 860). Цифры демонстрируют относительную стабильность процента удовлетворенных исков при значительном росте их количества за этот период, что позволяет сделать вывод об эффективности практики оспаривания сделок как инструмента пополнения конкурсной массы должника.

Однако оспаривание сделок должника сопряжено с рядом принципиальных вопросов, требующих соблюдения основополагающих принципов гражданского права, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников с одной стороны, и защиты прав

¹ Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / под ред. д.ю.н., проф. С.А. Карелиной. Т. 1. М.: Статут, 2019. С. 2.

² В определении Верховного Суда РФ от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17342 по делу № А41-86889/2015 указано, что институт оспаривания сделок должника представляет собой правовую гарантию, предоставляющую кредиторам действенный механизм наполнения конкурсной массы должника за счет неправомерно отчужденного имущества последнего». СПС «КонсультантПлюс».

³ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2025 год. // URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень%20банкротство%202025%20Федресурс.pdf>.

гражданско-правового сообщества кредиторов – с другой. Важным условием успешного оспаривания таких сделок является добросовестность заинтересованного лица (обращающегося за такой защитой) и недобросовестность участников, против которых такое требование предъявлено.

Тем не менее, несмотря на кажущуюся простоту обозначенных выводов, на практике далеко не всегда легко определить добросовестность или недобросовестность действий. Правоотношения участников непрерывно усложняются, появляются новые способы неправомерного отчуждения имущества должника или избирательного сокрытия его от обращения кредиторов, что требует разработки новых подходов и методов анализа оспариваемых сделок, а также дальнейшего изучения данного института в контексте правовых норм и судебной практики. Перечисленное актуализирует научный интерес к рассматриваемому вопросу.

Степень научной разработанности темы исследования. Институт конкурсного оспаривания был предметом научного изучения многих ученых, среди них: В.С. Белых, М.И. Брагинский, В.В. Витрянский, Б.М. Гонгало, А.В. Егоров, О.Р. Зайцев, А.Г. Карапетов, С.А. Карелина, Р.К. Лотфуллин, Р.Т. Мифтахутдинов, М.В. Телюкина, Ю.Д. Подольский, В.Ф. Попондопуло, Д.А. Рыков, С.В. Сарбаш, О.М. Свириденко, М.Л. Скуратовский, Н.В. Соколова, Е.А. Суханов, Е.Д. Суворов, А.И. Шайдуллин, А.Э. Циндяйкина, Т.П. Шишмарева, А.В. Юдин, В.Ф. Яковлев, В.В. Ярков, Е.В. Яцева и др.

Отдельные аспекты данной проблематики освещались в трудах дореволюционных цивилистов А.Х. Гольмстена, К.И. Малышева, Л. Тарашкевича, Г.Ф. Шершеневича, а также советских ученых С.С. Алексеева и О.А. Красавчикова.

Так, А.Х. Гольмстен обосновал возможность кредитора оспаривать сделки должника, в которых такой кредитор не является участником; исследовал проблемы недействительности возмездных и безвозмездных сделок; рассматривал особенности оспаривания отдельных сделок, таких как

последующий договор залога, досрочные и срочные погашения задолженности¹. Рассуждения о предмете оспаривания могут быть обнаружены в работах О.А. Красавчикова. Последний указывал на возможность признания недействительными не только сделок, но и иных юридических фактов: поскольку существует возможность оспаривания сделки, совершенной с пороком воли, станет возможным оспаривание надлежащего исполнения по не оспоренной сделке – в силу ненадлежащего волеизъявления обязанного лица².

Г.Ф. Шершеневич, К.И. Малышев, Л. Тарашкевич в своих трудах подробно рассматривали институт конкурсного оспаривания. Они выделяли такие признаки конкурсного оспаривания как причинение должником вреда кредиторам, его недобросовестность и участие недобросовестного контрагента в действиях должника³. В иных научных исследованиях по данной теме рассматривали такие вопросы как: назначение процедуры несостоятельности, ее роль в хозяйственной жизни субъектов⁴, усовершенствование оснований для оспаривания сделок⁵, проблемы реализации принципа равенства кредиторов должника⁶.

Несмотря на достоинства многочисленных научных исследований по избранной тематике, думается возможным дополнить их более детальным изучением таких вопросов как: разграничение общегражданских и специальных оснований оспаривания, раскрытия концепции внеконкурсного оспаривания и предложения правовых механизмов применения такого инструмента на практике, определения правового статуса участников процедуры

¹ См.: Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. М.: Книг ком, 2019. 265 с.

² См.: Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: избр. труды: в 2 т. М., 2017. Т. 2.

³ См.: Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань: Типография Императорского университета, 1898; Тарашкевич Л. Теория Павлианской жалобы. Варшава: Типография С. Сикорского, 1897; Малышев К. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871.

⁴ См.: Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

⁵ См.: Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

⁶ См.: Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. доктора юридических наук 5.1.3. М., 2023.

несостоятельности, уточнений условий специального оспаривания и подробное раскрытие используемых оценочных категорий и иных не менее важных аспектов.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок и иных действий должника при несостоятельности (банкротстве).

Предметом исследования являются правовые нормы, регламентирующие институт конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок и иных действий должника при несостоятельности (банкротстве).

Цель магистерской диссертации заключается в комплексном исследовании института конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок должника, выявлении эффективности нормативного правового регулирования такого оспаривания, выработке конкретных предложений по совершенствованию механизма оспаривания сделок и иных действий должника.

Для выполнения цели работы поставлены следующие **задачи**:

1. Раскрыть понятие и правовую природу «оспаривания сделок и иных действий должника».
2. Рассмотреть основные теории, объясняющие правомерность оспаривания сделок и иных действий должника.
3. Проанализировать правовые основания для оспаривания сделок и иных действий должника.
4. Дать понятие «сделка» в контексте процедуры банкротства и раскрыть ее ключевые характеристики.
5. Классифицировать сделки и иные действия должника, которые могут быть оспорены при несостоятельности (банкротстве).
6. Раскрыть особенности оспаривания иных действий должника при несостоятельности (банкротстве).

Научная новизна исследования заключается в разработке научно обоснованных предложений, направленных на решение отдельных практических

вопросов, возникающих при оспаривании сделок должника, и раскрывается в следующих положениях, выносимых на защиту:

1. В отношениях несостоятельности категория «сделка» имеет иное значение, чем предусмотрено в гражданском законодательстве. Сделка в указанных отношениях – это любые действия, а также бездействие должника или третьих лиц, совершенных за счет должника.

2. Широкий подход к понятию категории «сделка» предполагает установление пределов допустимости вмешательства заинтересованных лиц в поведение должника при несостоятельности последнего. Такие пределы касаются предмета оспаривания, сроков совершенных действий (бездействия) для оспаривания, применяемых процессуальных стандартов, а также круга уполномоченных на оспаривание лиц.

3. Выявлено недобросовестное использование общегражданских оснований оспаривания сделок и иных актов должника (например, для увеличения исковой давности для оспаривания). Особая природа оспаривания сделок и иных актов должника предопределяет невозможность повсеместного применения общегражданских оснований оспаривания и предполагает установление правил, допускающих возможность обращения к положениям Гражданского кодекса Российской Федерации при признании отдельных актов должника недействительными.

4. Внеконкурсное оспаривание сделок должника является самостоятельным правовым институтом, нуждающимся в нормативном закреплении. Внеконкурсное оспаривание предполагает коллективную защиту прав и интересов независимых кредиторов должника через поведение отдельного участника.

Методологическую основу исследования составили такие общенаучные методы, как синтез, индукция и дедукция. Применялись специально-юридические методы: метод системного анализа отношений, возникающих в ходе конкурсного оспаривания; методы буквального, доктринального и телеологического толкования законодательства.

Методы буквального, доктринального и телеологического толкования использованы для выявления целей, преследуемых законодателем при формулировании отдельных положений о конкурсном оспаривании.

Исторический метод позволил провести анализ как отечественного, так и зарубежного опыта оспаривания сделок должника. Эмпирический метод использовался для анализа практики применения положений об оспаривании сделок. Формально-юридический метод использовался для анализа основных категорий банкротного и в целом гражданского права, формально-логических связей между ними и квалификации на основе указанных категорий полученных в ходе исследования результатов.

Практическая и теоретическая значимость работы обусловлена применением выработанных в ней научно обоснованных подходов при разрешении соответствующих обособленных споров. Полученные результаты могут применяться при осуществлении профессиональной деятельности. На основе выводов, предложенных в настоящей работе, могут быть усовершенствованы механизмы оспаривания сделок и иных действий должника по различным основаниям, предусмотренным законодательством о банкротстве, выработаны рекомендации и критерии принятия решений о возможности или невозможности признания указанных действий недействительными.

Нормативную основу исследования составляют Конституция Российской Федерации, Гражданский кодекс Российской Федерации (далее - ГК РФ), Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), другие федеральные законы и подзаконные акты, регулирующие отношения, составляющие объект исследования.

Эмпирическую основу исследования составили акты Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации, обзоры судебной практики, постановления Пленумов высших судебных инстанций, а также материалы судебно-арбитражной практики по спорам об оспаривании сделок и иных действий должника при несостоятельности (банкротстве).

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Глава 1. Теоретико-правовые основания оспаривания сделок должника

§1.1. Оспаривание сделок должника: понятие и виды

Понятие сделки отражено в гражданском законодательстве. Глава 9 Гражданского кодекса Российской Федерации ¹ (далее - ГК РФ) закрепляет виды сделок², а также регулирует отношения, возникающие в процессе оспаривания недействительных сделок и применения последствий их недействительности³.

Как справедливо указывает М.В. Телюкина⁴, законодательное определение сделки восходит к классической теории юридических фактов Ф.К. Савиньи. Ключевое значение здесь имеет именно сознательное и намеренное выражение воли субъекта, направленное на достижение конкретного правового результата – установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, что и закрепляет традиционное, «узкое» определение сделки в ст. 153 ГК РФ.

Несмотря на легальное определение, в доктрине обнаруживаются споры о различных аспектах сделок: о ее правомерности, о правовой природе недействительных сделок, о содержании понятия сделки, то есть возможности восприятия в качестве сделки различных явлений.

Так, в комментариях к Гражданскому кодексу РФ⁵ ряд ученых высказывают позицию, согласно которой правомерность является обязательным признаком сделки, несмотря на отсутствие прямого указания на это в ст. 153 ГК РФ. Такой вывод представляется верным, поскольку именно правомерность позволяет отграничить сделку от правонарушения, предотвращая смешение этих разнородных юридических категорий.

¹ ФЗ «Гражданский кодекс РФ (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) (далее – ГК РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

² § 1 главы 9 ГК РФ.

³ § 2 главы 9 ГК РФ.

⁴ Телюкина М.В. Понятие сделки: теоретический и практический аспекты // Адвокат. 2002. № 8. С. 21.

⁵ См.: Комментарий к Гражданскому кодексу РФ части первой : постатейный / рук. авт. кол. и отв. ред. О. Н. Садилов. 3-е изд., испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. М., 2005; Комментарий к Гражданскому кодексу РФ, части первой / под ред. Т. Е. Абовой, А. Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1. С.; Гражданский кодекс РФ: постатейный комментарий. Ч. 1 / под ред. П. В. Крашенинникова. М., 2011.

Что касается правовой природы недействительных сделок, то в доктрине отсутствует единая позиция, а ключевыми аспектами дискуссии являются вопросы об их квалификации в качестве сделок вообще, оценке их правомерности, и отнесении недействительных сделок к категории правонарушений.

Концепция неправомерности недействительных сделок основана на тезисе о конститутивном характере признака правомерности для квалификации действия в качестве сделки. Согласно этому подходу, недействительные сделки не являются сделками в строгом юридическом смысле, а относятся к категории неправомерных действий (правонарушений). Их называют сделками условно, только по форме, но не по существу. Так, М.М. Агарков утверждал, что только действительные волеизъявления являются сделками, тогда как недействительные волеизъявления сделками не являются, хотя сами по себе, по общему правилу, и не образуют правонарушения¹. Д.О. Тузов утверждает, что недействительная сделка вообще не является юридическим фактом, поскольку не порождает никаких правовых последствий и представляет собой действие, юридически безразличное для права².

И.Б. Новицкий принципиально разделял фактический состав сделки и ее юридические последствия. Ученый полагал, что сам факт совершения волевого действия, направленного на установление, изменение или прекращение правоотношений, не может быть «нефактом» — он объективно существует независимо от своей действительности. Таким образом, вопрос о правомерности или неправомерности относится не к существованию юридического факта как такового, а к характеру его последствий: недействительная сделка может порождать как негативные последствия (например, обязанность возврата полученного), так и отдельные позитивные эффекты в случаях, когда стороны фактически исполнили такую сделку без ее оспаривания.³

¹ Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4. С. 47–48.

² Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Томск, 1999. С. 6.

³ Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954. С. 66–67.

Н.В. Рабинович развивала этот подход, подчеркивая, что недействительная сделка сохраняет все формальные признаки сделки — волеизъявление, направленность на правовой результат и соответствие внешней форме. Ее правовая природа носит двойственный характер: с одной стороны, она является сделкой по своим объективным характеристикам, с другой — ее неправомерность проявляется в нарушении норм права (неделиктное правонарушение особого порядка), что влечет специальные последствия, предусмотренные законом. Таким образом, правомерность или неправомерность характеризуют не сам факт совершения действия, а его соответствие правовым нормам и те юридические последствия, которые с ним связываются.¹

О.В. Гутников считает, что недействительность сделки — это отрицание в той или иной степени ее юридических последствий по основаниям (юридическим недостаткам), существующим в момент ее совершения и относящимся как к сделке-факту, так и к сделке-правоотношению, причем это отрицание может иметь место в различном объеме, с разного момента и для разного круга лиц.²

Представляется, что более убедительным является подход, основанный на признании правомерности обязательным признаком сделки, поскольку он изначально учитывает теоретическую основу конструкции сделки как правомерного юридического факта. Недействительная сделка сохраняет природу правомерного действия, хотя и не реализует цели сторон. Специфика ее заключается не в том, что она становится правонарушением, а в том, что она вызывает специальные правовые последствия (реституцию, отказ во включении требования в реестр, ограничение прав сторон и т.д.), отличные от ожидаемых ими последствий.

Сделки, будучи центральным и наиболее разработанным в доктрине и законодательстве юридическим фактом, являются лишь одним из

¹ Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. // Л: Изд-во ЛГУ, 1960. — С. 11–12

² Гутников О. В. Недействительные сделки в гражданском праве: Теория и практика оспаривания. М., 2003. — С. 81–82

видов оснований возникновения, изменения и прекращения гражданских прав и обязанностей. Их регулирование, включая детальную регламентацию недействительности, обусловлено основополагающей ролью этого инструмента реализации автономии воли участников оборота, что отличает их от иных юридических фактов.

Хотя юридический поступок и не является сделкой, он точно так же может служить основанием для установления, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. Ключевое отличие заключается в характере волевой направленности: если в сделке воля субъекта сознательно и целенаправленно ориентирована на достижение конкретного правового результата, то в юридическом поступке правовые последствия возникают независимо от такой направленности, в силу самого факта совершения действия.

Как отмечал О.А. Красавчиков, бездействие не является выражением воли в прямом смысле, но может расцениваться как отрицательное волеизъявление¹. Таким образом, бездействие (например, непринятие наследства, незаявление о пропуске исковой давности), так же, как и волевое действие, порождает определенные правовые последствия, но не в силу направленности воли на достижение конкретного результата, а в силу прямого указания закона.

Следует отметить, что бездействие должника может иметь значение для целей конкурсного оспаривания лишь в тех случаях, когда оно приводит к самостоятельному имущественному результату, сопоставимому с отчуждением актива: например, когда должник, имея реальную возможность защитить или приобрести имущественное право, не предпринимает необходимых действий и тем самым допускает утрату требования, пропуск срока исковой давности, прекращение права либо иное уменьшение имущественной сферы. При этом речь идет не о любом пассивном поведении как таковом, а о ситуациях, когда бездействие связано с юридически значимой обязанностью или разумно ожидаемым действием, которое должно было быть совершено в интересах имущественной массы. В то же время вопрос о допустимости оспаривания

¹ Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. С. 100.

бездействия в российском праве длительное время оставался дискуссионным¹, однако в правоприменении постепенно сформировался подход, допускающий оценку бездействия должника через его имущественные последствия для конкурсной массы и интересов кредиторов; вместе с тем во многих случаях защита конкурсной массы достигается иными способами, прежде всего активными действиями арбитражного управляющего от имени должника (взыскание дебиторской задолженности, предъявление требований и т. п.).

В рамках процедуры банкротства между участниками возникают особые отношения, урегулированные специальным законодательством. Они характеризуются спецификой реализации юридических обязанностей и субъективных прав участников правоотношений, направленных изначально на удовлетворение требований кредиторов. Поэтому цели банкротного оспаривания заключаются в обеспечении максимально возможного наполнения конкурсной массы за счет возвращения неправомерно выведенных активов должника. Это, в свою очередь, служит реализации фундаментальных принципов конкурсного права — пропорциональности удовлетворения требований и равенства кредиторов.

По мнению Е.Д. Суворова, банкротство рассматривается, прежде всего, как многоаспектное явление, основная цель которого, в первую очередь - обеспечить удовлетворение требований кредиторов банкрота в особом правовом режиме, по принципу равенства кредиторов (*pari passu*)², в основе которого, в свою очередь лежит межотраслевой правовой принцип справедливости, который подразумевает юридическое равенство всех участников правоотношений³.

Наполнение конкурсной массы как первоочередная цель оспаривания, подразумевает, что все юридические факты, формирующие массу с точки зрения ее наполнения, могут становиться предметом оспаривания. Поэтому

¹ См.: Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024.

² Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ: энциклопедия правовых позиций за 2014 - 2018 гг. М.: Статут, 2019. Вып. 2.

³ Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. М., 2023. С. 58.

законодатель вышел за рамки классического понятия «сделки», как юридического акта – действия и значительно расширил предмет оспаривания. Глава III.1, которая регулирует механизмы банкротного оспаривания сделок должника, применяется к оспариванию не только сделок, но и иных действий (бездействия) как самого должника, так и третьих лиц. Так, предметом оспаривания могут быть: исполнение обязательств и обязанностей, возникающих из гражданских, трудовых, налоговых, таможенных и иных правоотношений, действия по исполнению судебных актов, выплате заработной платы, банковские операции и другие юридически значимые действия¹, способные повлиять на размер конкурсной массы.

Таким образом, критерием определения возможности оспаривания является тест предмета оспаривания (акта, поступка, решения) относительно его влияния на имущественную массу должника: если в результате совершения действия размер либо стоимость массы уменьшается, то это умаляет возможности удовлетворения требований кредиторов².

Однако данная правовая конструкция порождает сложный комплекс юридических коллизий на стыке частных и публичных интересов, требующих выработки сбалансированных подходов в судебной практике. Как справедливо отмечает К.Б. Кораев, подобное регулирование «неизбежно приводит к столкновению интересов участников гражданского оборота, на защиту которых претендует как частное право, так и публичное право»³, что актуализирует необходимость разработки четких критериев дифференциации оспоримых действий и их соответствия принципу правовой определенности. Как указал Конституционный Суд РФ, «в силу различных, зачастую диаметрально противоположных интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, законодатель должен гарантировать баланс их прав и законных интересов, что,

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

² Лотфуллин Р. К. Оспаривание сделок при банкротстве // Saveliev, Batanov & Partners. – 2019. – С. 30

³ Кораев К.Б. Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям // Юрист. 2018. № 2. С. 25–29;

собственно, и служит публично-правовой целью института банкротства. ... Необходимость нахождения в законодательном регулировании, а равно в правоприменительной практике баланса интересов участников гражданского оборота при признании договора купли-продажи жилого помещения недействительным требует учета как обстоятельств, обусловленных наличием дела о банкротстве, так и фактов, влияющих на возможности удовлетворения потребности гражданина в жилище»¹.

Расширительное толкование судами круга объектов оспаривания служит одним из основных инструментов противодействия недобросовестному поведению должника и наполнения конкурсной массы. Судебная практика последовательно дополняет перечень действий, охватываемых главой III.1 Закона о банкротстве; при этом предметом оспаривания становятся не сами юридические акты как форма, а вызванные ими материальные последствия для конкурсной массы. Наряду со сделками предметом оспаривания выступают юридические поступки — действия по исполнению обязательств, возникающих из гражданских, трудовых, семейных, налоговых, таможенных и иных правоотношений, — прямо отнесенные к предмету конкурсного оспаривания п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве и пунктами 1 и 2 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.12.2010 № 63 (далее – Постановление Пленума ВАС №63)². Самостоятельной категорией выступают корпоративные акты, затрагивающие имущественную сферу должника или подконтрольного ему общества при использовании корпоративных процедур для причинения вреда кредиторам. В сферу конкурсной ревизии включаются и процессуальные действия должника — отказ от иска, признание иска, заключение мирового соглашения, незаявление о пропуске срока исковой давности; их оценка по статьям 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве закреплена пунктом 49 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 (далее – Постановление

¹ [Постановление](#) Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений [пункта 1 статьи 61.2](#) и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина.

² Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

Пленума №40)³. К предмету оспаривания относится также недобросовестное бездействие должника в прямо предусмотренных случаях — например, недобросовестный отказ от наследства или непринятие наследства, объективно уменьшающие конкурсную массу (пункт 53 Обзора судебной практики по делам о банкротстве граждан)². Наконец, конкурсной ревизии подлежат сделки и иные действия третьих лиц, совершенные за счет имущества должника, относимые к предмету конкурсного оспаривания пунктами 1 и 2 Постановления Пленума ВАС № 63. Содержательно перечисленные категории раскрываются в § 2.3 настоящей работы.

Завершая настоящий параграф, необходимо отметить ряд ключевых выводов.

Институт банкротства содержательно расширяет общегражданское понятие сделки, приспособлявая его к специальным задачам защиты конкурсной массы и обеспечения равенства кредиторов. Это расширение основано в том числе на определении, указанном в пункте 50 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума ВС РФ № 25)³, которое включает в понятие сделки любые волевые действия, направленные на установление, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей. В практике банкротства это позволяет оспаривать любые действия (совершаемые в различных правовых сферах отношений), включая процессуальные, а также иные юридические акты, если они причиняют вред имущественной массе. Это обеспечивает гибкость механизма оспаривания, позволяя противостоять

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 г. № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29.05.2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс»

² Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс»

³ См. п. 50 Постановление Пленума ВС РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса РФ»

разнообразным способам нарушения прав кредиторов, включая скрытые формы вывода активов.

§1.2. Теории оспаривания сделок должника

В дореволюционной литературе вопросы оспаривания сделок разрабатывались такими учеными как Г.Ф. Шершеневич, А.Х. Гольмстен, Д.Д. Гримм, чьи труды заложили фундамент для современного понимания указанного механизма. На основании высказанных позиций было сформировано несколько теорий, объясняющих правовые основания и природу права кредитора на оспаривание сделок и иных действий должника. В основе современного понимания механизма оспаривания лежит дуализм двух фундаментальных подходов: объективного и субъективного¹.

Субъективная теория, возникшая из древнеримского *Actio Pauliana*, заключается в том, что оспариванию подлежат любые сделки, в которых усматривается субъективный умысел должника причинить вред кредиторам. Ключевое значение придается доказательству злой воли должника и осведомленности контрагента. Г.Ф. Шершеневич последовательно отстаивал субъективную теорию в своих трудах². Он детально обосновал возможность оспаривания чужих сделок, исследовал проблемы возмездных и безвозмездных сделок, а также особенности оспаривания отдельных юридических действий (последующий залог, досрочное исполнение). Основная проблема субъективной теории — практическая сложность доказывания умысла должника и осведомленности контрагента, что ложится тяжелым бременем на кредиторов и управляющих, делая институт неэффективным.

Объективная теория связывает возможность оспаривания с наличием объективных, формальных критериев, таких как вид сделки

¹ См.: Телюкина М.В. [Система подозрительных сделок](#) при банкротстве должника в России и Казахстане // Гражданское право. 2014. № 6. С. 20–24.

² См.: Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. Казань: Типография Императорского университета, 1898; Шершеневич Г. Ф. Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003; Шершеневич Г. Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000; Шершеневич Г. Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890.

(безвозмездная), период ее совершения (близость к банкротству) или явная неравноценность встречного предоставления. Доказывание субъективного умысла отходит на второй план. Теория сформировалась как ответ на недостатки субъективного подхода. Объективистский подход прослеживается и в смежных институтах: А.А. Кузнецов применительно к крупным сделкам и сделкам с заинтересованностью показывает, что нарушение порядка одобрения само по себе образует основание оспаривания — без доказывания вреда или сговора сторон¹. Та же логика воспроизводится в п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. К.С. Кондратьева и А.И. Гройсберг применительно к сделкам с предпочтением показывают, что современная российская модель оспаривания опирается преимущественно на объективные признаки — без обязательного доказывания умысла². С.А. Карелина обосновывает приоритет объективных критериев (срок совершения сделки, неэквивалентность встречного предоставления, причинение вреда кредиторам) при оспаривании сделок должника, тем, что это позволяет эффективно защищать интересы кредиторов, минимизируя необходимость доказывания субъективного умысла контрагентов.³

Критика объективной теории заключается в чрезмерной формализации и отсутствии гибкости. Установление четких формальных критериев (сроков, видов сделок) не позволяет реагировать на изощренные и ранние схемы вывода активов, не подпадающие под эти критерии.

Помимо перечисленных подходов в доктрине разработан ряд других теорий, которые можно рассматривать как производные или альтернативные, пытающиеся преодолеть их недостатки.

Деликтная теория рассматривает оспариваемую сделку как гражданское правонарушение (деликт), совершенное должником и контрагентом с умыслом причинить имущественный вред кредиторам. Контрагент признается

¹ Кузнецов А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью // О собственности: Сборник статей к юбилею К. И. Скловского. М.: Статут, 2015

² Кондратьева К.С., Гройсберг А.И. Рассмотрение дел об оспаривании сделок с предпочтением: вопросы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 4(30). С.

³ См.: Карелина С.А. [Подозрительные сделки](#) в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22–26.

соучастником деликта, а основанием для оспаривания является сам факт противоправного сговора.

Теория квазиделикта является модификацией деликтной теории и возникла для преодоления ее недостатков. Поскольку правомерную по форме сделку сложно квалифицировать как деликт, используется юридическая фикция: действия контрагента рассматриваются, как если бы они были злонамеренными, даже при отсутствии прямого умысла.

Главный недостаток деликтной и квазиделиктной теорий — несоответствие правовых последствий: деликтная ответственность предполагает возмещение убытков (компенсацию причиненного вреда), тогда как последствием недействительности сделки является реституция (двусторонний возврат полученного по сделке), которая не является мерой ответственности и не требует доказывания условий гражданско-правовой ответственности (вины, противоправности, причинно-следственной связи). По мнению К.И. Скловского, недействительная (в том числе ничтожная или незаконная) сделка сама по себе не рассматривается как правонарушение (деликт), а ее исполнение не считается противоправным действием. Это подтверждается отсутствием в ст. 167 ГК РФ упоминаний о вине, убытках или иных условиях гражданско-правовой ответственности.¹

Теория исполнительной силы судебного решения — это процессуальная доктрина, в рамках которой право на оспаривание сделок должника рассматривается не как самостоятельное материальное право, а как процессуальное продолжение уже вынесенного судебного акта о взыскании. Согласно этой теории, иск о признании сделки недействительной является не отдельным требованием, а вспомогательным инструментом принудительного исполнения ранее состоявшегося решения суда, то есть одной из стадий исполнительного производства. Разработчики и сторонники данной концепции обосновывали ее с помощью юридической фикции: считалось, что должник,

¹ Скловский К.И. [Сделка и ее действие](#) (4-е изд., доп.). Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. С. 149.

даже отчуждая имущество, юридически продолжает считаться его владельцем в отношении своих кредиторов.¹ Это фиктивное сохранение владения позволяет обращать взыскание на формально чужое имущество, так как оно рассматривается как не выбывшее из конкурсной массы должника.

Таким образом, цель оспаривания — не восстановление справедливости в абстрактном смысле, а обеспечение реальной исполнимости судебного акта путем возврата имущества в сферу владения должника для обращения на него взыскания.

Несостоятельность теории исполнительной силы судебного решения как материально-правового обоснования института оспаривания сделок проявляется в ее принципиальной методологической ошибке, заключающейся в подмене основания возникновения права на опровержение сделки процедурным механизмом его реализации, что ведет к смешению материального и процессуального аспектов правоотношения и игнорированию ключевого вопроса о нарушении охраняемых законом имущественных интересов кредитора как истинной юридической причины предоставления ему средства правовой защиты в виде искового требования о признании сделки недействительной.

Теория судебного залога, разработанная А.Х. Гольмстеном² в развитие процессуальных конструкций, предлагает рассматривать право кредитора на оспаривание сделок через призму особого юридического режима имущества должника, возникающего не с момента реального обращения взыскания, а фиктивно — с момента вынесения судебного решения, которому придается обратная сила, что позволяет трактовать любую последующую сделку по отчуждению этого имущества как нарушение заранее установленного и ретроспективно действующего вещного права кредитора, своеобразного «судебного залога», который, хотя и не закреплён прямо в позитивном праве, должен, по замыслу автора, обеспечивать логическую связь между нарушением имущественных интересов кредитора и предоставляемым ему механизмом

¹ См.: Шершеневич Г. Ф. Конкурсное право. С. 266.

² Гольмстен А. Х. Учение о праве кредитора опровергать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А. Г. Смирных. М.: Книг ком, 2019. С. 56–57.

восстановления этих интересов путем признания недействительной совершенной должником сделки.

Критика данной теории, однако, указывает на ее умозрительный и оторванный от законодательных реалий характер, поскольку введение фиктивного «судебного залога» с обратной силой представляет собой крайне искусственную и громоздкую юридическую конструкцию, отсутствующую в нормативных актах и противоречащую фундаментальным принципам гражданского права. Эта конструкция создает необоснованную правовую неопределенность для добросовестных участников оборота, игнорируя тот факт, что действующее регулирование исходит из материального состава нарушения как единственного и достаточного основания для оспаривания.

Легальная теория (теория исключительной охраны интересов кредиторов) устанавливает, что правовое основание права кредитора усматривается в прямом предписании закона (*obligatio ex lege*). Закон в исключительных случаях создает особое обязательственное отношение между кредитором и приобретателем имущества, позволяющее истребовать это имущество обратно в целях восстановления нарушенного имущественного положения должника и соблюдения принципа равенства кредиторов. И.И. Карницкий отмечал существование «общего начала», ограничивающего должника в распоряжении имуществом, которое стало обеспечением его обязательств перед кредиторами¹.

Подход легальной теории оспаривания сделок должника видится слишком абстрактным. Он лишь констатирует, что основание есть в законе, но не раскрывает материальных причин его существования.

Помимо рассмотренных подходов в зарубежной доктрине разрабатываются кондикционная и гарантирующая теории. Кондикционная теория видит основание оспаривания в неосновательном обогащении приобретателя имущества должника. Гарантирующая теория, обоснованная в работах Х. Коциоля, исходит из идеи «гарантирующего имущественного фонда»:

¹ Карницкий И. И. О праве кредиторов опровергать сделки, заключенные должником с третьими лицами // Журнал гражданского и уголовного права. VI кн. СПб., 1882.

кредитор разумно полагается на определенное имущество должника как на источник возможного удовлетворения требований, и если должник намеренно отчуждает это имущество, кредитор вправе удовлетворить требование из этого фонда так, как если бы оно оставалось в собственности должника¹. Обе теории, однако, не объясняют оснований оспаривания преференциальных сделок: при их совершении приобретатель не обогащается, а лишь получает причитающееся ему по обязательству².

Современное регулирование оспаривания сделок в Законе о банкротстве (глава III.1) представляет собой подход, сочетающий объективные и субъективные критерии. Это сочетание демонстрируется на примере двух специальных оснований для оспаривания: сделок с предпочтением и подозрительных сделок.

Сделки с предпочтением, регулирование которых закреплено в ст. 61.3 Закона о банкротстве, в основном воплощают объективный подход. Их оспаривание строится на формальных признаках, ключевой из которых факт предоставления должником преимущества одному кредитору перед другими. Это нарушает принцип равенства кредиторов. Для применения этого основания необходимо доказать два обстоятельства: во-первых, факт удовлетворения требований конкретного кредитора, и, во-вторых, наличие иных кредиторов, чьи требования остались неудовлетворенными. Важную роль играет и временной критерий — «период подозрительности». Особенно ярко объективный подход выражен в п. 2 ст. 61.3, который касается сделок, совершенных в пределах месяца до или после возбуждения дела о банкротстве. Для их оспаривания достаточно лишь доказать формальное нарушение — сам факт предпочтения в указанный период. Добросовестность или недобросовестность контрагента, получившего исполнение, не имеет значения и не подлежит доказыванию. Таким образом, как

¹ См.: Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам / пер. с нем. К.А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 205–294; № 4. С. 199–261.

² Калугин В.Ю. Оспаривание сделок в банкротстве в контексте различных теорий конкурсного оспаривания // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 49.

определил Верховный Суд РФ, состав недействительности здесь, по сути, является формальным¹.

Субъективный критерий оспаривания по п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве заключается в осведомленности кредитора о признаках неплатежеспособности или недостаточности имущества должника либо об обстоятельствах, позволяющих сделать вывод о наличии таких признаков, что предполагает необходимость доказывания недобросовестности получателя предпочтения². Проблема применения субъективного критерия здесь заключается в отсутствии четких границ между добросовестным получением исполнения и сознательным нарушением принципа равенства кредиторов, когда получатель по преференциальной сделке, например, знает о неплатежеспособности должника, но не осведомлен о наличии других кредиторов, помимо него самого³.

Подозрительные сделки по п. 1 и п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве представляют собой синтез субъективного и объективного подхода к установлению оснований недействительности сделки.

В соответствии с п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве правовой режим подозрительных сделок с признаками неравноценности встречного исполнения характеризуется как объективный состав, для применения которого достаточно наличие двух ключевых элементов: годичного периода подозрительности и материального критерия, выражающегося в существенном отклонении условий сделки (цены, сроков, объема обязательств) в худшую для должника сторону от рыночных условий, наблюдаемых при сравнимых обстоятельствах, без необходимости доказывания субъективной осведомленности контрагента о неплатежеспособности должника.

Вопрос о критериях существенности неравноценности встречного исполнения остается дискуссионным в доктрине и правоприменительной

¹ Определение Верховного Суда РФ от 18.07.2016 № 304-ЭС15-2412(16), № А27-472/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

² Необходимость доказывания недобросовестности кредитора или иного лица в отношении которого была совершена сделка с предпочтением предусмотрена абзацем вторым подп. «б» п. 12 постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 №63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

³ Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. С. 126.

практике, что порождает правовую неопределенность и широкие дискреционные полномочия судов. М.В. Телюкина, в частности, указывает на то, что категория существенности отличия цены «порождает множество практических, так и теоретических проблем»¹.

Ключевым элементом оспаривания сделки по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве является субъективный критерий — осведомленность контрагента о цели должника причинить вред кредиторам, однако его применение обусловлено наличием объективных обстоятельств, таких как: совершение сделки в течение трехлетнего периода подозрительности, факта причинения вреда имущественным правам кредиторов². Субъективный критерий осведомленности контрагента может быть применен только при доказанности совокупности объективных признаков, таких как неплатежеспособность должника и хотя бы одного из дополнительных обстоятельств, например безвозмездности сделки или ее совершения с заинтересованным лицом, что исключает возможность предположения недобросовестности контрагента при отсутствии этих объективных условий.

По мнению С.А. Карелиной, применение субъективного подхода к оспариванию сделок должника хотя и усложняет процедуру оспаривания, тем не менее обеспечивает стабильность гражданского оборота.³

Изложенное показывает, что сущность конкурсного оспаривания не сводится к какой-либо одной из классических теорий: разные специальные составы воплощают разные критерии недействительности. Субъективный критерий, восходящий к деликтной и квазиделиктной теориям, играет определяющую роль в составе п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, где центральное значение приобретают осведомленность контрагента о цели причинения вреда и

¹ Телюкина М.В. Система подозрительных сделок при банкротстве должника в России и Казахстане // Гражданское право. 2014. № 6. С. 20–24.

² ни законодательство, ни судебная практика не содержат требований к точному установлению размера причиненного имущественным правам кредиторов вреда, достаточно самого факта его причинения. Вероятно, в данном случае уместно применить п. 5 ст. 393 ГК РФ, где размер подлежащих возмещению убытков должен быть установлен с разумной степенью достоверности. Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. - Москва: Статут, 2021.-с. 170)

³ См.: Карелина С.А. [Подозрительные сделки](#) в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4. С. 22–26.

стандарты его осмотрительности⁴; суды уделяют особое внимание добросовестности контрагентов должника: доказывание отсутствия умысла причинить вред и соблюдения стандартов осмотрительности становится центральным элементом защиты от оспаривания². Однако он не универсален: состав п. 1 ст. 61.2 построен на объективном критерии неравноценности, а состав п. 1 ст. 61.3 — на формально-объективном признаке предпочтения, не требующем установления недобросовестности. Тем самым институт носит смешанный характер, а его природа раскрывается лишь через сочетание объективных и субъективных критериев, дифференцированных по специальным составам.

§1.3. Правовые основания оспаривания сделок должника

Основания оспаривания сделок и иных действий должника могут быть объединены в три основные группы: (1) предусмотренные ГК РФ; (2) предусмотренные главой III.1 Закона о банкротстве и (3) предусмотренные в иных положениях Закона о банкротстве.

К первой группе относятся такие основания как: злоупотребление правом при совершении сделки (статьи 10, 168 ГК РФ), мнимые или притворные сделки (ст. 170 ГК РФ); сделки, совершенные с целью причинения ущерба интересам юридического лица (п. 2 ст. 174 ГК РФ) или в нарушение других требований, установленных законом. Не исключено также оспаривание по иным общегражданским основаниям: под влиянием заблуждения, обмана, выхода за пределы правоспособности, превышения полномочий и т. д. Эти основания предполагают наличие таких дефектов сделки, которые выходят за рамки пороков сделок с предпочтением или подозрительных сделок³.

В специальных банкротных основаниях, которые составляют вторую группу, выделяют в первую очередь *Actio Pauliana* (Паулианов иск), как

¹ Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2020. С. 157.

² Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. С. 31.

³ Лотфуллин Р. К. Оспаривание сделок при банкротстве // Saveliev, Batanov & Partners. – 2019. – С. 18

инструмент для защиты имущественных прав кредиторов, природа которого произрастает¹ из того, что кредиторам предоставляется право оспаривать сделку, совершенную должником с намерением вывода имущества (активов), препятствуя кредиторам возможности обратиться на него взыскание². Паулианов иск применялся еще в древнеримском праве, а название получил по имени претора, который впервые его применил.

В современном российском законодательстве положение о Паулиановом иске отражается в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве как метод для оспаривания сделок, которые должник совершил намеренно, с целью нанести ущерб кредиторам.

Во вторую очередь выделяют оспаривание сделок по основанию неадекватности встречного предоставления, которое рассматривается как реализация принципа недопустимости несправедливого обогащения некоторых контрагентов должника посредством ущемления имущественных прав остальных его кредиторов (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве)³.

В ст. 61.3 Закона о банкротстве установлен критерий для специального оспаривания сделок в банкротстве, который касается сделок с оказанием предпочтения. Это означает, что сделки, в которых преимущество отдается удовлетворению требований одного кредитора перед требованиями других, могут быть оспорены, поскольку это противоречит принципу равенства кредиторов.

К третьей группе оснований относится оспаривание сделок в нарушение конкретных положений Закона о банкротстве, такие как сделки, совершенные должником после наступления процедуры банкротства в нарушение запрета на их совершение, совершенные без согласия арбитражного управляющего или собрания кредиторов.

¹ Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право / пер. под ред. П. Соколовского. М.: Университетская типография, 1904. С. 466.

² Договорное право. Книга первая. Общие положения. Издание 3-е, стереотипное // Брагинский М.И., Витрянский В.В. М.: Статут, 2001. С. 795.

³ Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 327.

В данной работе основное внимание уделено исследованию и анализу первых двух групп оснований оспаривания сделок и иных действий должника.

Общегражданские основания оспаривания сделок и иных действий должника

Банкротство должника и наличие специальных оснований в Законе о банкротстве не отменяют возможности оспаривать его сделки по гражданскому законодательству, в частности, по основаниям, предусмотренным ГК РФ или законодательством о юридических лицах.

Защита кредиторских интересов в процедуре банкротства ранее осуществлялась судами через применение принципа предотвращения злоупотребления правом, вплоть до введения 28.04.2009 Федеральным законом № 73-ФЗ¹ в Закон о банкротстве главы III.1, содержащей специальные основания для оспаривания сделок.

Специальные банкротные нормы, тем самым, деактуализировали соответствующий подход к оспариванию сделок должника, по давно известному правилу коллизии общей и специальной нормы, при которой предпочтение отдается именно специальной (*lex specialis derogat generali*).

Возможность оспаривания сделок в рамках банкротного процесса на основании общегражданских норм предполагает, что в сделке присутствуют такие пороки, которые не могут охватываться положениями статей 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве. Эта идея отражена в пункте 4 Постановления Пленума ВАС РФ № 63, в силу которого наличие в Законе о банкротстве специальных оснований оспаривания сделок, предусмотренных статьями 61.2 и 61.3, само по себе не препятствует суду квалифицировать сделку, при совершении которой допущено злоупотребление правом, как ничтожную (статьи 10 и 168 ГК РФ)². Данное разъяснение зачастую использовалось в судебной практике для попыток выбора общегражданских оснований для оспаривания в случаях, подпадающих

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» от 28.04.2009 № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

под специальные основания, с целью процессуального злоупотребления: использования более длительного трехгодичного срока исковой давности по статьям 10 и 168 ГК РФ вместо установленного для оспоримых сделок одногодичного срока.

В 2023 году Верховный Суд РФ уделил внимание проблеме двойной квалификации сделок и на уровне высшей инстанции была выработана позиция, однозначно устанавливающая субсидиарный характер применения общих оснований недействительности сделок: «Судебная коллегия полагает, что вопреки выводам судов...квалификация по статьям 10 и 168 ГК РФ должна применяться субсидиарно к специальным нормам. Произвольная или двойная квалификация одного и того же правонарушения как по специальным, так и по общим нормам противоречит принципам правовой определенности и предсказуемости»¹. То есть несмотря на то, что специальные основания, в частности, предусмотренные п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве (далее - фraudаторные сделки)², сформулированы максимально широко, они ориентированы на защиту конкурсной массы от действий, причиняющих ей прямой вред. Общие основания должны применяться тогда, когда порок оспариваемой сделки по своей правовой природе выходит за рамки дефектов, охватываемых специальными банкротными составами.

Часто по общегражданским основаниям оспариваются сделки по мотивам их мнимости или притворности (ст. 170 ГК РФ), осуществления права в обход запрета его злоупотреблением (статьи 10, 168 ГК РФ), по корпоративным основаниям (крупные сделки), оспаривание сделок, совершенных в ущерб интересам юридического лица (п. 2 ст. 174 ГК РФ), а также по общему «бланковому» основанию - совершению сделок в нарушение закона. Также не исключено и оспаривание и по другим основаниям: обман, заблуждение, выход за пределы правоспособности, превышение полномочий и т. п.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 31.01.2023 № 305-ЭС19-18803(10) // СПС «КонсультантПлюс»

² право кредиторов на оспаривание любых действий компании, объективно ведущих к появлению у них убытков, с помощью специального иска law of fraudulent transfers, по сути являющегося разновидностью известного европейскому праву «Паулианова иска» (его режим предусмотрен специальным Модельным законом (США. *Примеч. – авт.*)1984 г. (Uniform Fraudulent Transfer Act, UFTA) (Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014. 456 с. // СПС «КонсультантПлюс»)

Так, в ситуации, когда сделка является мнимой (совершена лишь для вида, без намерения создать правовые последствия) или притворной (прикрывает другую сделку), достаточно доказать несоответствие воли и волеизъявления сторон, не доказывая причинение вреда или несоразмерность, что и делает ст. 170 ГК РФ незаменимым инструментом.

В Определении Верховного Суда РФ от 25.08.2023 № 305-ЭС23-6205, в частности, отмечается, что если установлено отсутствие реального встречного исполнения и фиктивность правоотношений, то это делает излишним доказывание наличия причинения вреда или предпочтения, которые требуются статьями 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.¹

В качестве примера применения статей 10 и 168 ГК РФ в деле о банкротстве, можно привести дело, в котором Верховный Суд РФ, признавая ничтожным по статьям 10 и 168 ГК РФ договор с многократно завышенной стоимостью юридических услуг между компаниями «Лигал С.С.» и «Орбита», заключенный исключительно для искусственного создания долга и получения контроля над процедурой банкротства, фактически установил состав злоупотребления правом.² Оспаривание сделок по корпоративным основаниям в процедуре банкротства не способствует достижению ее основной цели — наполнению конкурсной массы в интересах кредиторов, так как арбитражный управляющий действует не для защиты корпоративных интересов общества или его участников. Этот вывод подтверждается в Определении Верховного Суда РФ от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779 о том, что арбитражный управляющий, осуществляющий свои обязанности по наполнению конкурсной массы должника, должен действовать разумно и исключать бесполезные формальности, которые могут лишь увеличить расходы на процесс банкротства, что уменьшает конкурсную массу, что в свою очередь противоречит интересам кредиторов.³

¹ Определение Верховного Суда РФ от 25.08.2023 № 305-ЭС23-6205 по делу № А40-74086/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 14.02.2019 № 305-ЭС18-18538 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Определение Верховного Суда РФ от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779(1,2) по делу № А53-38570/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

Если сделки мотивированы причинением ущерба юридическому лицу и оспариваются согласно п. 2 ст. 174 ГК РФ, то в этом случае защищается интерес, нарушенный целью причинения вреда самому юридическому лицу, а не его кредиторам. В данном случае также следует оценивать перспективы оспаривания с помощью теста в отношении конкурсной массы: способствуют ли последствия оспаривания увеличению ее объема или стоимости.

Тем не менее, обнаруживается судебная практика, подтверждающая возможность признания права за акционерами на корпоративные иски даже если в отношении должника введено конкурсное производство. Так, в Определении от 05.10.2020 № 303-ЭС20-5380 по делу № А16-2306/2017 Верховный Суд РФ посчитал, что акционер должника - акционерного общества, оспоривший крупную сделку общества на основании статей 173.1, 174 ГК РФ, статей 77 - 79 Закона об акционерных обществах, совершенную без одобрения общего собрания акционеров, вправе на основании разъяснений пункта 17 Постановления Пленума ВАС РФ № 63, оспаривать совершенную обществом сделку по корпоративным или общим основаниям вне дела о банкротстве. Очевидно, что интерес акционера в восстановлении активов акционерного общества направлен на восстановление имущественной массы общества, что защищает права в том числе его участников, а также не противоречит интересам кредиторов в наполнении конкурсной массы должника, и, соответственно, целям процедуры банкротства.¹

Общегражданские основания оспаривания сделок применяются также в тех ситуациях, когда необходимо защитить имущественную массу должника от недобросовестных действий, но специальные банкротные механизмы оказываются недоступны или неприменимы: на стадии наблюдения или финансового оздоровления может быть установлено, что признание сделки недействительной способствует восстановлению платежеспособности должника². Понятие внеконкурсного оспаривания было исчерпывающе

¹ Определение Верховного Суда РФ от 05.10.2020 № 303-ЭС20-5380 по делу № А16-2306/2017 // СПС «КонсультантПлюс»

² Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2020. С. 74.

воспроизведено в недавнем судебном акте Арбитражного суда Уральского округа: «Российским правопорядком и устойчиво сложившейся практикой Верховного Суда РФ признается и допускается внеконкурсное оспаривание сделок должника, совершенных им с порочным мотивом вывести свои ликвидные активы из-под взыскания, уменьшить свою имущественную массу иным образом и тем самым затруднить принудительное исполнение требования кредитора путем обращения взыскания на имущество должника. Сделка признается недействительной по этому основанию в результате предъявления и удовлетворения иска, заявленного конкретным кредитором должника до объявления должника банкротом и открытия конкурсных процедур в отношении должника»¹.

Расширение инструментария оспаривания сделок и привлечения к субсидиарной ответственности в процедурах банкротства, с одной стороны, усиливает защиту имущественных интересов кредиторов, но с другой — создает риски дестабилизации гражданского оборота, нарушая принцип невмешательства в частные дела (п. 1 ст. 1 ГК РФ).² Например, в деле Г.Б. Балаяна³ попытка оспорить сделку 2001 года в 2022 году продемонстрировала, как механизмы банкротства могут быть использованы для ревизии давно сложившихся правоотношений, что противоречит принципу правовой определенности и вредит обороту. Верховный Суд РФ, отказывая нижестоящим судам в неприменении в данном деле срока исковой давности, указывает на то, что защита прав кредиторов должника не может иметь приоритета над правами иных участников правоотношений. Кроме того, широкие возможности интервенции в правоотношения должника и его контрагента лицом в них не участвующем (кредитором) могут представлять акт недобросовестного поведения.

¹ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.11.2024 №Ф09-2524/19 по делу № А50-35007/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

² Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? Lex russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 144–161.

³ Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2024 № 305-ЭС20-20127(20) по делу № А40-32986/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Так, в деле о банкротстве ООО «Экопресс», арбитражным управляющим была предпринята попытка оспорить сделку должника одновременно по основаниям, предусмотренным п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, а также статьями 10, 168 и 170 ГК РФ. Однако судом был определен характер спора между сторонами и решено, какие правовые нормы будут применяться. Определив, что конкурсным управляющим в материалы обособленного спора не представлены какие-либо доказательства или аргументы в пользу того, что предполагаемые пороки сделки могут быть оценены как злоупотребление правом по статьям 10 и 168 ГК РФ, суд самостоятельно решил, что для оценки спорной сделки следует применить только лишь специальные банкротные нормы. В удовлетворении заявления конкурсного управляющего судом было отказано.¹

Таким образом, возможность оспаривания сделок по общегражданским основаниям (статьи 10, 168, 170 ГК РФ) представляет собой дополнительный механизм защиты интересов кредиторов, применяемый субсидиарно, однако его использование не должно превращаться в инструмент недобросовестного поведения, направленный на обход установленных законом процедур, создание искусственных препятствий для добросовестных участников оборота или необоснованное вмешательство в хозяйственную деятельность должника. Суды последовательно пресекают такие злоупотребления, подчеркивая приоритет специальных оснований оспаривания в банкротстве и необходимость сохранения баланса между защитой прав кредиторов и стабильностью гражданского оборота.

Специальные банкротные основания для оспаривания сделок должника

Перечень специальных оснований для оспаривания сделок закрыт и приведен в статьях 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

¹ Определение Арбитражного суда г. Москвы от 09.06.2023 по делу № А40-80806/20-44-135Б // СПС «КонсультантПлюс»

П. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве регулируется возможность оспаривания **неравноценных** сделок. Здесь рассматривается любое уменьшение имущественной массы должника, в случае передачи имущества либо иного исполнения обязательств, если рыночная стоимость переданного должником, существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения. Для оспаривания по мотивам неравноценности предоставления недобросовестность контрагента должника устанавливать не требуется¹. Достаточно одного факта неравноценности, так как оспаривание основано на идее наполнения массы за счет реституции несправедливого обогащения контрагента должника.

Основная проблема при применении данного основания заключается в установлении категории «существенная неравноценность». Учитывая ее оценочный характер, наполнение содержания происходит с учетом наработанного опыта судебной практики.

Так, например, несущественным отклонением Верховный Суд РФ посчитал изменение условий кредитного договора о сроке и ставке, при котором уменьшение исполнения составило 13,8%². В другом споре несущественным отклонением Верховный Суд РФ посчитал разницу между ценой сделки (123 млн руб.) и рыночной стоимостью имущества (194,3 млн руб.), составившую около 36%, указав, что для признания покупателя недобросовестным и осведомленным о противоправной цели вывода активов требуется кратное (двухкратное или более) занижение цены³.

Неравноценность встречного предоставления до недавнего времени зачастую определялась судами формализованно, с отсылкой к положениям пп. 4 п. 2 ст. 40 Налогового кодекса РФ, формально оценивая «существенность» как отклонение от рыночной цены в 20 и более процентов. Однако Верховный Суд РФ указал, что понятие неравноценности является оценочным и в этом случае не

¹ п. 9 Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 30.07.2013) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2019 № 304-ЭС15-2412(19) по делу № А27-472/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Определение Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

могут быть применимы какие-либо предустановленные критерии отклонения цены (например, процентные)¹. Такая идея была высказана в Постановлении Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П, согласно которому по своей природе оценочные критерии п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве были введены законодателем не для установления системы «планок» отклонения от равноценности предоставления, а для неограниченного применения к каждой конкретной правовой ситуации.²

Фраудаторные сделки регулируются п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве.

Российские нормы об оспаривании подозрительных сделок, как и многие другие положения российского права, были разработаны с учетом международного опыта, в частности, заимствуя и адаптируя американскую концепцию разделения на «действительно мошеннические» (fraudulent transfer) и «предполагаемые мошеннические» (constructive fraudulent transfer) сделки. Некоторые исследователи считают, что такое объединение двух разных составов — сделки в ущерб имущественным правам кредиторов и сделки с неравноценным встречным предоставлением — под общим названием «подозрительные сделки» мешает понять природу каждого из этих составов. М.В. Телюкина, например, проводит разграничение названных составов подозрительных сделок: на субъективную и объективную подозрительность³.

Как следует из разъяснений, приведенных в пункте 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 63, для признания сделки недействительной по основанию, предусмотренному п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, необходимо, чтобы оспаривающее сделку лицо доказало наличие совокупности всех следующих обстоятельств⁴:

1. Совершение сделки в пределах 3 лет до возбуждения дела о банкротстве или после;

¹ Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2022 № 306-ЭС21-4742 по делу № А12-42/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П // СПС «КонсультантПлюс»

³ Телюкина М.В. Система подозрительных сделок при банкротстве должника в России и Казахстане / Гражданское право. 2014. № 6. С. 20–24.

⁴ Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

2. Наличие цели причинения вреда имущественным правам кредиторов:

3. Причинение вреда имущественным интересам кредиторов;

4. Осведомленность другой стороны сделки о цели ее совершения.

Намерение должника вывести актив из-за пределов досягаемости кредиторов, а также осведомленность об этом другой стороны является ключевым элементом в определении правовой природы фраздаторных сделок (п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве)¹. При отсутствии преднамеренного умысла причинения ущерба кредиторам, фраздаторность сделки не может быть доказана. В частности, Д.Д. Гримм писал, что теория об *actio Pauliana* представляет собой запутанную и многогранную тему, в которой основополагающим является отграничение мотива ущерба кредиторам и иных оснований для оспаривания².

В качестве бесспорного примера указания Верховным Судом РФ на достаточность оснований для квалификации целенаправленных действий сторон по выводу активов, как фраздаторных, можно привести Определение Верховного Суда РФ, в котором указывается, что приобретая векселя неплатежеспособных лиц (ликвидированных и банкротов), и заплатив за них более 46 млн руб., для покупателя, которым выступил должник, должно было быть ясно, что такая сделка является как для него так и для его кредиторов очевидно невыгодной и покупка актива, не имеющего практически никакой стоимости, в обмен на денежные средства явно принесет убытки³.

Учитывая общий характер состава п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве, его нередко применяют для обхода специального основания, предусмотренного ст. 61.3 указанного Закона. Верховный Суд Российской Федерации указал на недопустимость такого обхода⁴: предпочтительное удовлетворение одного

¹ Карелина С.А. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. Т. 2. М.: Статут, 2019. С. 643.

² Гримм Д.Д. Очерки по учению об обогащении. Вып. 3. СПб., 1893. С. 156

³ Определение Верховного Суда РФ от 01.10.2020 № 305-ЭС19-20861(4) по делу № А40-158539/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2025 N 305-ЭС21-25158(12) по делу № А40-187996/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

кредитора формально сохраняет баланс активов и обязательств должника, нарушая лишь принцип равного распределения, тогда как фраздаторная сделка направлена на прямое уменьшение конкурсной массы без адекватной компенсации; смешение составов нарушает системное толкование Закона о банкротстве.

Другая не менее важная проблема заключается в субъектном составе подобных сделок, когда контрагентом выступает аффилированное лицо. Несмотря на то, что формально аффилированность должна презюмировать осведомленность контрагента о цели совершения сделки (с учетом разъяснений Постановления Пленума ВАС РФ № 63), суды не всегда применяют указанные разъяснения таким образом.

Ограничиваясь констатацией того, что сама по себе аффилированность не является безусловным основанием для признания сделки недействительной, суды требуют от арбитражного управляющего прямых доказательств осведомленности контрагента о неплатежеспособности должника. По этой причине Верховный Суд РФ вынужден напоминать содержание вышеизложенных разъяснений. Так, в деле о банкротстве ООО «Смарт» разъяснил, что аффилированность контрагента создает презумпцию его осведомленности о финансовом состоянии должника и смещает бремя доказывания, в связи с чем не управляющий должен доказывать недобросовестность, а само аффилированное лицо обязано представить убедительные доказательства реальности сделки и ее экономической целесообразности¹.

В силу ст. 61.3 Закона о банкротстве допускается оспаривание преимущественного удовлетворения, полученного кредитором от (за счет) должника. Оспаривание таких сделок позволяет наполнить конкурсную массу должников средствами, которые были из нее в пользу одного кредитора, вместе с тем, как они могли бы быть распределены между всеми кредиторами².

¹ Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2023 № 305-ЭС21-13317(2) по делу № А41-1026/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

² Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 51.

Следует не согласиться в связи с этим с О.Р. Зайцевым, который полагает, что «предпочтение как основание оспаривания сделок при банкротстве также можно рассматривать как разновидность общего основания (причинения вреда имущественным правам кредиторов), поскольку в предпочтении плохо не то, что один кредитор получил больше, чем должен был, а то, что из-за этого уменьшилась будущая конкурсная масса и соответственно меньше получают кредиторы той же очереди»¹.

Перечень преференциальных сделок закреплён в ст. 61.3 Закона о банкротстве. При этом он не является исчерпывающим. Так, в соответствии с пунктом 10 Постановления Пленума ВАС РФ № 63 предпочтение может иметь место в случаях иных, нежели предусмотрены абз. 2–5 п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве.

Проблема, связанная с оспариванием сделок по ст. 61.3 Закона о банкротстве, заключается в противоречии между формальным равенством кредиторов и практической необходимостью учёта реальных встречных предоставлений. Наиболее показательна эта проблема проявляется при разграничении двух близких по экономическому эффекту конструкций — зачета и сальдирования.

Предоставление предпочтения через односторонний зачет встречных требований признаётся сделкой, оспоримой при наличии оснований, предусмотренных ст. 61.3 Закона о банкротстве. Сальдирование, напротив, представляет собой арифметический расчёт окончательного сальдо встречных предоставлений в рамках единого хозяйственного отношения; согласно позиции Верховного Суда РФ, такой расчёт не является сделкой и не подлежит оспариванию по правилам ст. 61.3 Закона о банкротстве, поскольку отражает экономическое существо реальных взаимоотношений сторон, объединённых общей хозяйственной целью, и не требует активного волеизъявления².

¹ Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве // Несостоятельность (банкротство): Науч.-практ. комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В.В. Витрянского. М., 2010. С. 106 – 107.

² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 по делу № А46-6454/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

Указанный подход вызвал неоднозначную реакцию в научной среде¹. Критики указывают на искусственность разделения: экономический эффект зачета и сальдирования идентичен, что создает возможность маскировать зачет под сальдирование и тем самым обходить запрет на преференциальное удовлетворение. Сторонники позиции Верховного Суда РФ исходят из того, что запрет на зачет защищает конкурсную массу от искусственного уменьшения, а сальдирование лишь констатирует реальное состояние взаимных расчетов по обязательствам, связанным единством экономической цели.

Сформулированный в 2018 году подход был последовательно распространен судебной практикой на различные виды гражданско-правовых отношений. В определениях Верховного Суда РФ 2019–2020 годов конструкция сальдирования применена к договорам, связанным единой договорной связью, а также к договорам поставки и оказания услуг: соотнесение встречных предоставлений в рамках такой связи не является сделкой, влекущей предпочтение отдельному кредитору.² Вместе с тем в практике 2021–2023 годов сальдирование получило дальнейшее развитие: оно стало применяться к нескольким взаимосвязанным договорам, объединенным единой хозяйственной целью; к требованиям, подтвержденным судебными актами; а также к удержанию заказчиком разницы между ценой замещающей сделки (заключенной по правилам ст. 393.1 ГК РФ после неисполнения договора подрядчиком-банкротом) и стоимостью невыполненных подрядчиком работ³.

Ситуация принципиально изменилась в 2026 году. В определении от 27 марта 2026 года по делу № А40-161457/2021 о банкротстве ООО «АРКС МТ» Верховный Суд РФ признал недействительными по правилам ст. 61.3 Закона о

¹Сальдирование в банкротстве: когда возможно и чем опасно // URL: <https://pravo.ru/story/248722/> (дата обращения: 16.07.2025).

²См.: Определение Верховного Суда РФ от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064 по делу № А41-47794/2015; Определение Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 305-ЭС19-18890(2) по делу № А40-99919/2017; Определение Верховного Суда РФ от 15.10.2020 № 302-ЭС20-1275 по делу № А19-12341/2018; Определение Верховного Суда РФ от 10.12.2020 № 306-ЭС20-15629 по делу № А65-18636/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³См.: Определение Верховного Суда РФ от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2) по делу № А40-90454/2018; Определение Верховного Суда РФ от 21.11.2022 № 304-ЭС17-18149(15) по делу № А27-22402/2015; Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2023 № 310-ЭС22-19858 по делу № А09-1247/2021; Определение Верховного Суда РФ от 29.08.2023 № 307-ЭС23-4950 по делу № А56-59474/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

банкротстве обычные платежи должника в пользу субподрядчика за ранее выполненные работы, совершенные в месячный период до возбуждения дела о банкротстве. Суд указал, что при отсутствии неисполненных встречных обязательств получателя квалификация таких платежей как сальдирования означала бы фактическое неприменение ст. 61.3 Закона о банкротстве к любым расчетам за уже выполненные работы, оказанные услуги, поставленные товары, что противоречит цели указанной нормы¹.

Тем самым Верховный Суд РФ ограничил сальдирование рамками взаимосвязанных встречных обязательств сторон в едином хозяйственном отношении, по которым подводится итог взаимных расчетов; в остальных случаях имеет место обычный платеж, подлежащий оспариванию по ст. 61.3 Закона о банкротстве. Квалификация действий определяется их экономическим существом, а не правовой формой.

Резюмируя настоящий параграф и главу в целом, следует обозначить ряд принципиальных выводов.

Правовая природа конкурсного оспаривания не сводится ни к одной классической теории: действующая редакция главы III.1 Закона о банкротстве сочетает объективные и субъективные критерии, подчиняя их защите конкурсной массы и обеспечению равенства кредиторов (*pari passu*).

Понятие сделки в банкротстве функционально расширено — оспариванию подлежат любые юридически значимые действия должника, затрагивающие состав конкурсной массы или порядок удовлетворения требований кредиторов.

Основания оспаривания образуют систему, в которой ведущая роль принадлежит специальным составам главы III.1, а общегражданские основания применяются субсидиарно.

Вместе с тем открытой остается проблема конкуренции оснований и недопущения двойной квалификации в обход годичного срока исковой давности по оспоримым сделкам.

¹Определение Верховного Суда РФ от 27.03.2026 № 305-ЭС25-7233 по делу № А40-161457/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

Глава 2. Сделки и иные действия должника, подлежащие оспариванию

§2.1. Понятие сделки в процедуре банкротства

Как в рамках законодательства о банкротстве, так и в доктрине термин «сделка» используется в расширенном, целевом значении, выходящем за пределы его классического гражданско-правового понимания. Такое прочтение подчинено целям процедуры — наполнению конкурсной массы и обеспечению равенства кредиторов; именно эти цели, а не гражданско-правовая форма акта, задают предмет оспаривания и предполагают его оценку по экономическому существу и месту в совокупности взаимосвязанных операций.

Германское право несостоятельности специально закрепляет расширительное понимание объекта конкурсного оспаривания на уровне нормативной конструкции. Так, Закон Германии о несостоятельности - *Insolvenzordnung*, InsO¹, оперирует не категорией сделки в ее традиционном гражданско-правовом значении, а более широкой категорией *Rechtshandlungen* (правовые действия), под которой понимается любое юридически значимое поведение, способное повлиять на имущественную сферу должника. Тем самым немецкий законодатель прямо реализует целевой подход, при котором решающее значение имеет имущественный результат поведения для должника и кредиторов².

Российское право несостоятельности обобщающего термина, аналогичного *Rechtshandlungen*, не вводит. Расширительный охват достигается не терминологически, а через прямую норму ст. 61.1 Закона о банкротстве, относящую к предмету конкурсного оспаривания сделки должника, сделки иных лиц за его счет, а равно юридически значимые действия по исполнению обязательств, в том числе во исполнение судебных актов. Тем самым объектом ревизии становится не правовая форма акта, а его имущественный результат —

¹ *Insolvenzordnung* // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 23.02.2026). — Текст : электронный.

² См.: Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. // М.: Статут, 2018.

влияние на состав конкурсной массы и установленный законом порядок удовлетворения требований кредиторов.

Отсутствие единого обобщающего термина приводит к тому, что предмет конкурсного оспаривания конкретизируется на уровне доктрины и судебной практики, причем формальная гражданско-правовая квалификация акта приобретает вторичное значение, уступая место анализу его имущественных последствий для целей банкротства.

Указанное смещение акцента непосредственно связано с правовой природой самой процедуры несостоятельности. Как обоснованно отмечает Е. Д. Суворов, банкротство представляет собой не просто «состояние» должника, а особый режим перераспределения имущественных активов, направленный на максимально возможное удовлетворение требований кредиторов через их коллективное участие в распределении ограниченного имущественного ресурса; в рамках этого режима формируется и особое гражданско-правовое сообщество кредиторов, объединенное общим имущественным интересом в отношении конкурсной массы как объекта коллективных притязаний¹.

Тем самым именно конкурсная масса — не просто совокупность имущества должника, а особый имущественный фонд — становится центральным объектом правового воздействия: через ее формирование, сохранение и распределение реализуется принцип равенства кредиторов и достигается основная цель банкротства — пропорциональное удовлетворение требований при недостаточности имущества².

Схожая позиция отражена в исследовании В. Ю. Калугина, который подчеркивает, что конкурсное оспаривание по своей природе представляет собой самостоятельный механизм защиты прав кредиторов, направленный на возврат имущества в конкурсную массу и восстановление их имущественных интересов³.

¹ См.: Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. № 11(168). С. 21–34.

² См.: Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. М., 2023.

³ Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис... канд. юрид. наук : 5.1.3. - Екатеринбург, 2024. С. 126

Тем самым сделка в банкротстве утрачивает значение элемента индивидуального гражданского правоотношения и оценивается по ее влиянию на имущественную массу должника как объект коллективного интереса кредиторов.

Закономерно меняется и субъектная сторона защиты. В классическом гражданском праве иск о действительности сделки инициируется ее участником либо иным лицом, чьи права или охраняемые законом интересы нарушены (п. 2 ст. 166 ГК РФ); в банкротстве же сделка сразу выносится в сферу контроля со стороны лиц, представляющих интересы кредиторского сообщества. Как фиксирует В. Ю. Калугин, именно это — инициирование оспаривания не стороной сделки, а третьими лицами — выступает системообразующим признаком как конкурсного, так и внеконкурсного оспаривания¹.

Отсюда следует принципиальное отличие целей правовой защиты от оспаривания сделок в банкротстве. В обычном обороте недействительность сделки традиционно работает на восстановление положения сторон конкретного правоотношения; в банкротстве же оспаривание подчинено банкротным целям. При этом оспаривание неизбежно выводит спор за рамки двустороннего правоотношения и затрагивает правовое положение контрагентов и последующих приобретателей, вследствие чего каждый такой спор требует соразмерного согласования коллективного интереса кредиторов с частными правами участников оборота.

Расширительное понимание сделки требует нормативной и доктринальной сдержанности, иначе подобная «интервенция» банкротства в частноправовые отношения размывает базовые гражданско-правовые категории. Д. О. Османова фиксирует парадокс господства банкротства: то, что в обычных условиях воспринимается как недопустимое вмешательство в частную автономию, при банкротстве получает положительную оценку «в интересах сообщества кредиторов» и требует поэтому тщательной регламентации, доктринальной

¹ Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис...канд. юрид. наук : 5.1.3. - Екатеринбург, 2024. С. 32-33

разработки и аккуратного подхода к его признанию в практике высших судов. Расширительная трактовка объекта оспаривания не может пониматься как универсальное разрешение на пересмотр частноправовых последствий в пользу кредиторов; вопрос о границах вмешательства сохраняет принципиальное значение и должен решаться с учетом баланса интересов¹.

Вероятно, именно ввиду высокой степени вмешательства банкротства в частноправовые отношения, российское банкротное право не опирается на одну универсальную категорию вроде немецких *Rechtshandlungen*, а потому не может однозначно решить вопрос «что именно мы оспариваем» через одно обобщающее определение. Вместо этого система выстраивается иначе: объект контроля и пределы вмешательства задаются не термином, а нормативной рамкой — специальными правилами главы III.1, которые, по сути, выполняют роль «фильтра» и «границы допустимого» для банкротной интервенции. То есть ключевым становится не спор о том, считать ли конкретный акт сделкой или чем-то иным, а вопрос, подпадает ли соответствующее поведение под предусмотренные законом основания и режим конкурсного оспаривания и оправдано ли вмешательство с точки зрения целей процедуры, баланса интересов и стабильности оборота.

В. Ю. Калугин также обращает внимание на то, что телеологическое толкование данной нормы демонстрирует стремление законодателя максимально расширить предмет оспаривания и позволить правоприменителю выйти на сущность злоупотребления со стороны должника и иных недобросовестных лиц, однако одновременно неизбежно возникает вопрос о пределах такого расширительного толкования².

Целевое понимание «сделки» в банкротстве нуждается в четком разграничении пределов применения уже потому, что противодействие выводу активов реализуется не только через конкурсные механизмы в рамках дела о несостоятельности, но и через внеконкурсное оспаривание, которое в

¹ Османова Д.О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // *Lex russica*. 2024. Т. 77. № 5. С. 149

² Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. С. 39.

российском праве не оформлено как самостоятельный институт и потому фактически «поддерживается» общими гражданско-правовыми основаниями (в частности, через запрет злоупотребления правом и последующее признание сделки недействительной), требуя от кредитора доказать фраздаторную направленность поведения и причинение вреда кредиторам. В этой модели защищаемый интерес имеет иной характер: внеконкурсное оспаривание прямо направлено на защиту личного интереса конкретного кредитора и на возврат имущества в сферу должника для обеспечения реальной возможности обращения взыскания; при этом косвенно защищаются интересы иных независимых кредиторов¹ - через сам факт возврата актива, без образования «общего фонда» для пропорционального распределения между всеми кредиторами². Следовательно, такое прочтение сделки, обусловленное коллективной природой процедуры несостоятельности и распределительной логикой, не может механически переноситься на ситуации оспаривания вне дела о банкротстве, где отсутствует конкурсное распределение и сопоставление интересов кредиторского множества.

Такое разграничение позволяет рассматривать термин «сделка» в банкротстве как функционирующий в двух разных режимах: в конкурсном контуре — как расширенную категорию контроля, охватывающую юридически значимое поведение должника с имущественным результатом (включая действия по исполнению обязательств), а во внеконкурсном — как инструмент индивидуальной защиты от злоупотреблений, который опирается на общие нормы недействительности и по своей цели направлен на «возврат для взыскания», а не на прямое перераспределение активов между всеми кредиторами³.

Е.Д. Суворов также подчеркивает, что в деле о банкротстве вывод активов пресекается специальными механизмами, прежде всего фраздаторным составом

¹ Османова Д. О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex russica. 2024. Т. 77. № 5. С. 148

² Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2. С. 105–112. С. 105.

³ Свириденко О. М. Указ. Соч. С. 111

(п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве), тогда как вне процедуры несостоятельности отсутствуют основания для применения специальной нормы, и защита строится на общих положениях о запрете злоупотребления правом — через признание соответствующей сделки недействительной либо через отказ в признании за ней правового значения. Одновременно Е.Д. Суворов указывает и на пределы внеконкурсного оспаривания: оно оправдано именно как средство противодействия выводу активов, тогда как модели предпочтения и неравноценности не должны переноситься во внеконкурсный контур, поскольку их применение возможно лишь в случае притязания именно конкурсных кредиторов и именно на недостаточную конкурсную массу в рамках дела о банкротстве; в противном случае индивидуальная защита одного кредитора способна нарушить принцип равенства кредиторов¹.

Обозначенная позиция получила дальнейшее развитие в современной отечественной доктрине, которая концентрируется уже не столько на пределах внеконкурсного оспаривания, сколько на вопросе о его правовой природе. Спорным остается, обладает ли оно самостоятельностью в системе гражданского права или носит производный характер по отношению к конкурсному оспариванию сделок². Ответ на этот вопрос предопределяет модель регулирования: признание самостоятельности требует разработки собственных оснований, субъектного состава, сроков и последствий оспаривания; признание производного характера — предполагает субсидиарное применение конструкций главы III.1 Закона о банкротстве с необходимыми ограничениями. Отсутствие собственного нормативного режима порождает и риск повторного оспаривания одной и той же сделки — сначала отдельным кредитором внеконкурсно по статьям 10, 168 ГК РФ до возбуждения дела, а затем конкурсным

¹ Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. доктора юридических наук 5.1.3. - М., 2023 С. 458–460

²См.: Конева Д. К. Статья 168 ГК РФ как основание оспаривания сделок должника, совершенных во вред кредиторам // Гражданское право. 2025. № 2; Родина Н. В. Конкурсное и внеконкурсное оспаривание сделок в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2025. № 1.

по статьям 61.2, 61.3 Закона о банкротстве; вопрос о допустимости такого повторного оспаривания также остается законодательно не урегулирован¹.

В качестве общего знаменателя обоих подходов выделяется позиция Верховного Суда РФ, согласно которой истец в любом случае должен доказать факт нарушения оспариваемой сделкой имущественных интересов кредиторов должника².

Отмечается также, что в зарубежных правовых порядках кредиторы обладают эффективным инструментарием для оспаривания сделок должника, не ожидая открытия конкурсных процедур, тогда как в России соответствующая практика «только набирает обороты, но в отсутствие необходимого законодательного регулирования»³.

Резюмируя изложенное, следует подчеркнуть, что в рамках банкротства понятие «сделки» неизбежно претерпевает изменение смыслового содержания: оно перестает быть исключительно гражданско-правовой формой выражения автономии воли и превращается в инструмент банкротного контроля. Для целей банкротства решающим становится не то, к какой разновидности юридических фактов отнесено действие должника в классической доктрине (договор, односторонняя сделка, исполнение обязательства, зачет, отступное), а то, какой имущественный результат оно порождает и как этот результат отражается на конкурсной массе и равенстве кредиторов. Именно поэтому в банкротстве правовая оценка «сделки» отрывается от классического понимания и переносится в плоскость «коллективного режима», где любое юридически значимое поведение, способное изменить состав имущественной массы должника или исказить установленный законом порядок удовлетворения требований кредиторов, приобретает значение потенциального объекта оспаривания.

¹ Будылин С. Л. Внеконкурсное кредиторское оспаривание: как вернуть выведенные активы? // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 4 (70). С. 4–19.

² Определение Верховного Суда РФ от 27 ноября 2023 года № 306-ЭС23-14897 по делу № А65-24538/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Карпова А. А. Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3.

Итак, проведенный анализ показывает, что особенности оспаривания в деле о банкротстве обусловлены коллективной природой данной процедуры и ее целевой направленностью.

В этой логике конкурсная масса выступает не просто совокупностью активов должника, а юридически значимым имущественным фондом, вокруг которого формируется сообщество кредиторов, объединенных общим интересом и вынужденных конкурировать за ограниченный ресурс. Такая коллективность радикально меняет и смысл правовой защиты: если в обычном обороте недействительность служит прежде всего восстановлению положения участников конкретного правоотношения, то банкротное оспаривание подчинено задаче возвращения активов в конкурсную массу и устранения дисбаланса, нарушающего пропорциональность и равенство удовлетворения требований кредиторов. Отсюда вытекает и естественная смена «носителя интереса»: инициатором защиты такого интереса выступает не сторона спорного юридического акта или установленные законом иные лица, а кредиторы, уполномоченный орган и арбитражный управляющий, действующие от имени кредиторского сообщества, что подтверждает коллективную направленность оспаривания и его зависимость от целей процедуры.

Одновременно расширение понятия «сделки» в банкротстве показывает, что банкротный режим допускает более широкое вмешательство в частноправовые отношения, включая пересмотр последствий действий, которые вне банкротства считались бы правомерными.

Однако такое вмешательство не должно пониматься как универсальное разрешение на ревизию любых частноправовых результатов «в интересах кредиторов». Расширительное толкование круга оспариваемых действий требует доктринальной и нормативной сдержанности: вмешательство оправдано лишь постольку, поскольку оно действительно служит целям банкротства и не подрывает правовую определенность, защиту добросовестного оборота и баланс интересов всех затронутых лиц, включая контрагентов должника. Границы целевого расширения понятия сделки должны быть связаны с объективным

критерием влияния на конкурсную массу с соблюдением принципа равенства кредиторов, а также с требованием соразмерности: банкротное право вмешивается в частные отношения как исключительный механизм перераспределения потерь в ситуации имущественного кризиса.

Наконец, принципиальное значение имеет разграничение конкурсного и внеконкурсного контуров оспаривания. Целевое понимание «сделки» обусловлено самой природой банкротства как коллективного распределительного режима и потому неотделимо от процедуры, в которой притязания кредиторов сводятся к единому объекту — конкурсной массе; поэтому оно не может переноситься на внеконкурсные ситуации оспаривания, где отсутствует конкурсное распределение недостаточного имущества. Вне дела о банкротстве оспаривание, как правило, обслуживает индивидуальную цель конкретного кредитора — сохранить имущество для последующего взыскания, и именно поэтому допустимые основания и пределы вмешательства должны оцениваться иначе: «банкротные» конструкции предпочтения или неравноценности оправданы тогда, когда есть коллективное притязание на недостаточную массу, тогда как во внеконкурсном порядке ключевой смысл получает противодействие выводу активов через общие гражданско-правовые запреты.

Таким образом, в целях устранения терминологической неопределенности и недопущения смешения банкротной логики с классической гражданско-правовой конструкцией сделки, методологически и нормативно оправдано смещение акцента с категории «сделка» на более широкую категорию правового действия (юридически значимого поведения) должника как объекта конкурсного контроля. В этой оптике «сделка» должна рассматриваться не как центральное понятие института, а как один из частных видов юридически значимого поведения, способного повлиять на распределение имущественной массы и положение кредиторов.

В том же ключе применительно к сделкам с предпочтением более корректной является постановка вопроса не об «оспаривании сделки» как

таковой, а об оспаривании удовлетворения требования: именно факт и результат удовлетворения — как изменение имущественного состояния должника и нарушение принципов пропорциональности и равенства кредиторов — образует содержательное ядро соответствующего основания конкурсного оспаривания.

§2.2. Классификация сделок, подлежащих оспариванию в процедуре банкротства

Классификация сделок, подлежащих оспариванию в процедуре банкротства, упорядочивает предмет конкурсной ревизии: какие сделки должника становятся объектом оспаривания, какие признаки делают их уязвимыми и где проходит граница конкурсной интервенции в гражданский оборот. Конкурсное оспаривание раскрывается не как инструмент ретроспективной переоценки любых «неудачных» хозяйственных операций должника, а как специальный механизм восстановления его имущественной сферы там, где она затронута волевым юридическим актом.

Классификация выстраивается последовательно: предварительный отбор сделок, значимых для конкурсного оспаривания, и их распределение по специальным основаниям главы III.1 Закона о банкротстве. На первом этапе устанавливается конкурсоспособность сделки, на втором — сделки распределяются на две группы по характеру затрагиваемого конкурсного интереса: сделки, затрагивающие сохранность конкурсной массы, и сделки, нарушающие принцип коллективного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов.

Конкурсоспособность сделки оценивается прежде всего по ее конкурсно-значимым последствиям. Этот признак разработан Е. Д. Суворовым в концепции «материализации объекта оспаривания»: значение имеет материальный результат акта — уменьшила ли сделка имущественную базу должника либо изменила условия распределения массы между кредиторами¹. С названным признаком связаны и два уточняющих условия отбора. Первое — «консолидация

¹ Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника : монография. — М. : Статут, 2021. С. 15-17.

объекта оспаривания»²: если конкурсно-значимый результат достигается не одиночной сделкой, а цепочкой взаимосвязанных сделок, объектом оспаривания становится единая операция, а не отдельное звено, что допустимо лишь при доказанности единой цели и единого результата. Второе — контрагентский фактор: добросовестность контрагента ограничивает оспаривание там, где средний участник оборота объективно не должен был «угадывать» кризис должника, а применительно к составу п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве раскрывается через осведомленность контрагента о цели причинения вреда.

Лишь после прохождения предварительного этапа становится возможна собственно классификация. На первом уровне сделки распределяются по специальным основаниям главы III.1 Закона о банкротстве — на сделки с неравноценным встречным предоставлением, сделки в целях причинения вреда кредиторам и сделки с предпочтением; на втором — внутри каждой группы систематизируются по юридической конструкции и способу воздействия на имущественную сферу должника либо на положение кредиторов. Такое построение сохраняет связь с действующей моделью специальных оснований и одновременно выявляет наиболее проблемные конструкции и спорные вопросы их квалификации.

Сделки с неравноценным встречным предоставлением образуют группу сделок, затрагивающих сохранность конкурсной массы, поскольку их оспаривание направлено на восстановление имущественной сферы должника в тех случаях, когда эквивалентность обмена была существенно нарушена.

Нормативной основой выделения данной подгруппы выступает п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Для применения данного основания необходимо установить два основных обстоятельства: во-первых, неравноценность встречного предоставления со стороны контрагента должника, во-вторых, совершение сделки в пределах одного года до принятия заявления о признании должника банкротом.

² Суворов Е.Д. Указ. соч. С. 16

Вместе с тем, судебная практика показывает, что квалификация таких сделок не сводится к механическому сопоставлению цены и рыночной стоимости имущества. Это во многом объясняется тем, что сама категория существенности отклонения цены, как справедливо отмечает М.В. Телюкина, «порождает множество практических, так и теоретических проблем».¹

Неравноценность встречного предоставления долгое время определялась судами формализованно — через сопоставление договорной и рыночной цены и заранее заданные процентные ориентиры отклонения (20 %, восходящие к подп. 4 п. 2 ст. 40 НК РФ, либо 30 %, выводимые отдельными судами из позиции Президиума ВАС РФ)².

Последующая практика Верховного Суда РФ продемонстрировала отход от такого подхода: одно лишь арифметическое расхождение цен — будь то 13,8 % в деле о банкротстве АКБ «Новокузнецкий муниципальный банк» или 22,8 % в деле о банкротстве АО «Равнинное» — само по себе не свидетельствует о неравноценности; необходимо учитывать экономический контекст сделки, состояние и характеристики имущества, реальное ухудшение положения конкурсной массы³. В том же ключе по делу о банкротстве ОАО «СГК-ТрансстройЯмал» Верховный Суд РФ отказался признать неравноценным договор мены, по которому должник в рамках предусмотренной трудовым договором программы поощрения работников передал работнице квартиру большей рыночной стоимости в обмен на меньшую при формально равной договорной цене: вывод о неравноценности не может строиться исключительно

¹ Телюкина М.В. Система подозрительных сделок при банкротстве должника в России и Казахстане // Гражданское право. 2014. № 6. С. 20–24.

² См., например: Постановление Президиума ВАС РФ от 28.06.2011 № 913/11 по делу № А27-4849/2010 // СПС «КонсультантПлюс»; решение Арбитражного суда Волгоградской области по делу № А12-42/2019, оставленное без изменения судами апелляционной и кассационной инстанций (при оценке неравноценности учитывалось отклонение цены более чем на 20 % от рыночной стоимости) // СПС «КонсультантПлюс»; впоследствии данный формализованный подход был скорректирован в Определении Верховного Суда РФ от 05.05.2022 № 306-ЭС21-4742 по делу № А12-42/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2019 № 304-ЭС15-2412(19) по делу № А27-472/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2022 № 306-ЭС21-4742 по делу № А12-42/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

на сопоставлении рыночных стоимостей, поскольку встречное предоставление выражалось в трудовом вкладе работника и не сводилось к договорной цене¹.

Данный подход получил окончательное закрепление в Постановлении Конституционного Суда РФ, который указал, что оценочные критерии п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве не предназначены для установления жестких процентных «планок» отклонения цены. Их применение должно осуществляться с учетом обстоятельств конкретной правовой ситуации и реального воздействия сделки на имущественные интересы кредиторов.² Тем самым акцент в судебной оценке смещается с формального арифметического сравнения к исследованию действительного экономического результата сделки.

Таким образом, современный подход к составу п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве исходит из изначально оценочного характера критерия существенной неравноценности встречного предоставления; решающее значение имеет совокупная оценка характеристик имущества, условий сделки и ее реальных последствий для конкурсной массы. На этой основе обосновывается не введение нормативных порогов, а законодательное закрепление перечня обстоятельств, подлежащих учету при оценке существенности неравноценности, что упорядочит судебское усмотрение, не подменяя оценочный критерий формальным алгоритмом.

Своими особенностями обладает оспаривание сделок, заключенных на торгах. Поскольку цена на открытых конкурентных торгах формируется состязательностью участников и признается рыночной³, оспаривание по мотиву неравноценности (пункт 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве) исключается, а сделки на организованных (биржевых) торгах вовсе изъяты из-под действия статей 61.2 и 61.3 (пункт 1 статьи 61.4)⁴. Чаще всего такая сделка оспаривается через признание самих торгов недействительными по статье 449 ГК РФ при

¹ Определение Верховного Суда РФ от 08.05.2024 № 305-ЭС17-21643(3) по делу № А40-120633/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина» // СПС «КонсультантПлюс»

³ Беляева О.А. Предназначение торгов // Журнал российского права. 2013. № 10.

⁴ Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 228

нарушении правил их проведения; требование заявляется в деле о банкротстве по правилам главы III.1 Закона о банкротстве. Последствием недействительности торгов является возврат имущества в конкурсную массу, а уплаченная покупателем цена возвращается ему в режиме текущих платежей.

Сделки, совершенные в целях причинения вреда имущественным правам кредиторов, образуют самостоятельную группу оспоримых сделок, затрагивающих сохранность конкурсной массы.

Нормативное выражение данная подгруппа получает в п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Для квалификации сделки по указанному основанию подлежит установлению совокупность следующих обстоятельств: трехлетнего периода подозрительности, вредоносного результата для конкурсной массы, цели причинения такого вреда и осведомленности другой стороны о соответствующих обстоятельствах. Именно поэтому центральное значение здесь приобретает установление недобросовестности участников сделки. Уже из конструкции данной нормы видно, что речь идет не просто о неудачной или экономически спорной операции, а о сделке, в которой имущественный результат сочетается с особой направленностью поведения должника и контрагента.

Внутри данной группы, сделки целесообразно систематизировать по способу причинения вреда имущественным правам кредиторов. В этом отношении могут быть выделены, во-первых, сделки по безвозмездному или явно экономически необоснованному выбытию активов должника; во-вторых, сделки с аффилированными или иным образом связанными лицами, направленные на концентрацию имущества внутри подконтрольного круга субъектов; в-третьих, сделки, ведущие к искусственному увеличению пассива должника либо к созданию фиктивной задолженности; в-четвертых, цепочки взаимосвязанных сделок, каждая из которых по отдельности может выглядеть нейтральной, но в совокупности приводит к единому результату — выводу имущества из конкурсной массы или затруднению удовлетворения требований кредиторов. Наряду с указанными типовыми моделями в судебной практике встречаются и пограничные конструкции, в которых внешне правомерная

сделочная форма используется во вред кредиторам, однако не образует самостоятельной основной группы фраздаторных сделок. К числу таких конструкций относятся, например, отдельные односторонние сделки, зачет и алиментные соглашения.

Наиболее типично фраздаторный состав проявляется в сделках по выводу активов аффилированным лицам, когда совпадают период подозрительности, неплатежеспособность должника, связанность сторон и цель причинения вреда кредиторам. Показательно дело о банкротстве ООО «ЭкспертПроектСтрой», где конкурсный управляющий оспаривал четыре договора купли-продажи транспортных средств между должником и аффилированной с ним организацией: суды установили совершение сделок в период подозрительности, при неплатежеспособности должника и с целью воспрепятствовать обращению взыскания, отразив все презумпции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и пп. 6–7 Постановления Пленума ВАС РФ № 63¹.

Однако чаще применение п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве оказывается сложнее, поскольку спорная сделка внешне сохраняет вид правомерного акта. Хотя задача сводится к доказыванию условий состава, а отдельная констатация недобросовестности участников самостоятельному доказыванию не подлежит, на практике сохраняется формальный подход судов, который осложняет рассмотрение споров, когда поведение сторон неочевидно и складывается из совокупности действий. Широта нормы требует от суда содержательной оценки — с учетом всей совокупности обстоятельств спора².

Первую подгруппу в рамках классификации фраздаторных сделок образуют сделки, посредством которых вред имущественным правам кредиторов причиняется через безвозмездное либо экономически необоснованное выбытие активов из имущественной сферы должника.

Типичной безвозмездной сделкой выступает дарение. На первый взгляд его оспаривание очевидно — конкурсная масса уменьшается без встречного

¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.03.2023 № Ф10-6361/2022 по делу № А08-6032/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

² Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2020. С. 69–70, 79–111

предоставления, — однако в действительности это один из наиболее спорных случаев. Дискуссионна уже сама квалификация: поскольку дарение не предполагает встречного предоставления, ограничительное толкование, относящее его исключительно к п. 2 ст. 61.2 и исключающее применение п. 1, подвергается в литературе критике¹. Вместе с тем причинение вреда не презюмируется из одной лишь безвозмездности и подлежит самостоятельному установлению. Так, в деле о банкротстве Рыбалко Е. Верховный Суд РФ отказал в оспаривании дарения доли квартиры, указав, что само по себе родство сторон не создает презумпции осведомленности ни о финансовых обязательствах должника, ни о цели сокрыть имущество от кредиторов, а конкретные обстоятельства (наследственный характер имущества, уход одаряемой за нетрудоспособными родственниками) объясняли причину дарения, не связанную с причинением вреда².

Более сложной разновидностью безвозмездных сделок выступает пожертвование. В деле о банкротстве АО «ПК «Кузбасстрансуголь» Верховный Суд РФ квалифицировал как пожертвование заем, по которому фонд освобождался от возврата средств при их использовании на благотворительные цели, и в признании сделки недействительной отказал: безвозмездный характер выбытия сам по себе вреда не доказывает, а осведомленность фонда о цели причинения вреда не была установлена — аффилированность через одного из учредителей, единолично не формировавшего органы фонда, такой презумпции не создает, а обязанности проверять имущественное положение жертвователя у благотворительного фонда нет, поскольку это противоречило бы существу благотворительной деятельности³. Вместе с тем такой подход представляется, на наш взгляд, спорным: добросовестность фонда фактически презюмируется, а

¹ См.: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63, абз. 6 п. 8 // СПС «КонсультантПлюс»; Белоусов И. Оспаривание договоров дарения и обеспечительных сделок как сделок с неравноценным встречным предоставлением в деле о банкротстве // Цивилистика. 2022. № 6.

² Определение Верховного Суда РФ от 25.06.2025 № 305-ЭС23-24052(3) по делу № А40-231308/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Верховного Суда РФ от 28.09.2023 № 305-ЭС21-18053(6,8) по делу № А40-291982/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

пожертвование такому «аффилированному» фонду рискует стать удобной формой вывода активов.

Еще одним примером в данной группе является прощение долга. Хотя такое освобождение должника от обязанности и может оспариваться по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве как безвозмездное выбытие актива, само по себе оно безвозмездным не является: прощение долга признается дарением лишь при наличии у кредитора намерения одарить, тогда как наличие у него имущественного или иного экономического интереса такую квалификацию исключает¹. Так, в деле о банкротстве ООО «Новая нефтехимия» нижестоящие суды признали недействительными соглашения о прощении долга, по которым должник освободил банк от возврата субординированного депозита, но Верховный Суд РФ отменил эти акты: прощение было направлено на сохранение подконтрольного должнику банка и потому отвечало его собственному экономическому интересу; кроме того, в силу условий субординированного депозита и последующего банкротства банка прощенное обязательство все равно прекратилось бы². Тем самым обозначается предел группы: безвозмездное уменьшение имущественной сферы должника не образует фраздаторной сделки при наличии самостоятельного экономического интереса.

Вторую подгруппу образуют сделки со связанными лицами, посредством которых имущество должника формально выбывает из его сферы, но фактически сохраняется внутри подконтрольного круга. Связанность сторон облегчает согласование поведения и сокрытие действительной цели сделки, поэтому презумпции п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве проявляются здесь наиболее отчетливо. Как отмечает Е. Д. Суворов, аффилированность сама по себе не подменяет доказывание состава, но существенно упрощает его, облегчая вывод и о цели причинения вреда, и о знании контрагента об этой цели³.

¹ См.: пункты 30–31 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств».

² См.: Определение Верховного Суда РФ от 20.08.2020 № 306-ЭС19-2986(5) по делу № А65-27205/2017 // СПС «КонсультантПлюс»; Суворов Е. Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 172–173.

³ Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 149–151, 155–157

К числу типичных конструкций данной группы относятся отчуждение активов в пользу участников, бенефициаров и родственников контролирующих лиц, внесение ликвидного имущества в уставный капитал подконтрольного общества в обмен на неравноценную долю¹, внутригрупповые платежи без убедительного экономического основания, транзитные расчеты и иные операции, в которых должник используется в интересах бенефициара, а не в собственном хозяйственном интересе. Показательно уже рассмотренное дело о банкротстве ООО «ЭкспертПроектСтрой», где отчуждение транспортных средств аффилированному лицу продемонстрировало классическую модель причинения вреда кредиторам². Эту группу объединяет субъектный способ причинения вреда — использование корпоративной, семейной или иной связи как инструмента вывода актива и затруднения его возврата.

Существенное значение для данной группы имеет категория фактической аффилированности. В деле о банкротстве ООО «Авипак» Верховный Суд РФ указал, что общность экономических интересов доказывается не только юридической аффилированностью, но и фактической — когда корпоративная структура искусственно позволяет избежать формальных признаков группы, однако сохраняется возможность влиять на принятие предпринимательских решений. На такую связь указывали родственный контроль над формально самостоятельными обществами и функциональное разделение единого бизнеса, при котором одно общество вело переработку и сбыт, а второе держало активы и сдавало их в аренду группе. Тем самым отсутствие консолидированной отчетности не исключает установления группового характера деятельности по совокупности косвенных доказательств³.

Как отмечает Д. О. Османова, о фактической аффилированности могут свидетельствовать совпадение участников и руководителей, интенсивные

¹ Внесение должником имущества в уставный капитал подконтрольного общества представляет собой сделку и охватывается настоящей подгруппой. Корпоративные акты, опосредующие изменение уставного капитала, — прежде всего решения общих собраний об увеличении капитала и дополнительной эмиссии, — относятся к иным действиям должника и рассматриваются в § 2.3 настоящей работы

² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.03.2023 № Ф10-6361/2022 по делу № А08-6032/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Определение Верховного Суда РФ от 08.06.2020 № 307-ЭС16-7958 по делу № А21-8868/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

договорные связи, распоряжение средствами должника без правового основания, участие в общем производственном процессе. Особую сложность представляют случаи, когда формальная связь уже прекратилась, а фактическая общность интересов сохраняется — в том числе в отношениях с бывшими супругами¹.

Третью подгруппу образуют сделки, направленные на искусственное увеличение пассива должника либо создание подконтрольной задолженности. Вред здесь причиняется не немедленным выбытием актива, а конструированием обязательства, которое впоследствии претендует на распределение конкурсной массы наравне с требованиями независимых кредиторов. Как отмечает Е. Д. Суворов, если заемщик, займодавец и поручитель входят в одну группу, презюмируется, что обеспечительная сделка совершена в целях создания подконтрольной фиктивной задолженности для уменьшения требований независимых кредиторов. Вместе с тем и эта презумпция опровержима: связанные лица вправе раскрыть разумные экономические мотивы сделки, прежде всего положительный эффект для всей группы — например, когда поручительство являлось необходимым условием получения финансирования от независимого кредитора². Так, в деле о банкротстве ООО «Железная Гора»³ Верховный Суд РФ указал, что при внутригрупповом характере займа на связанных займодавца, заемщика и поручителя возлагается обязанность раскрыть разумные экономические мотивы поручительства; в противном случае предполагается, что подобная структура использована для создания подконтрольной фиктивной задолженности в целях уменьшения требований независимых кредиторов. Показательно также дело о банкротстве ООО «Хакассетьремонт». Заинтересованное лицо финансировало должника в условиях имущественного кризиса беспроцентными займами, а затем должник уступил ему ликвидную дебиторскую задолженность по договорам, не содержащим условий об оплате. Верховный Суд РФ указал, что такие уступки

¹ Османова Д.О. Несостоятельность (банкротство) юридических лиц: общий порядок: учеб. пособие. М.: Проспект, 2023. С. 153

² Суворов Е. Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 180–182

³ Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021 по делу № А40-241983/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

использовались для возврата компенсационного финансирования и перекладывали риск его утраты на независимых кредиторов, в связи с чем квалифицировал их как совершенные в целях причинения вреда по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве¹. Смежный подход Верховный Суд РФ подтвердил и позднее, указав, что формой компенсационного финансирования может выступать не только первоначальная выдача займа, но и последующее неостребование его возврата, отказ от досрочного истребования, продление срока возврата, а также создание специальных условий для изъятия такого финансирования перед банкротством².

Тем самым группу объединяет способ причинения вреда — внедрение в конкурс искусственного или экономически несамостоятельного требования либо попытка вывести из-под риска ранее предоставленное связанным лицом компенсационное финансирование.

Четвертую подгруппу образуют цепочки взаимосвязанных сделок, где вред причиняется совокупностью формально самостоятельных, но объединенных единым экономическим результатом сделок. Если ранее консолидация рассматривалась как условие, позволяющее втянуть такую цепочку в периметр оспаривания, то здесь она выступает уже классифицирующим признаком: группу выделяет именно то, что объектом оценки становится вся операция, а не отдельное звено³. Е. Д. Суворов отмечает, что во взаимосвязанных сделках стороны в действительности имеют в виду единую сделку, а не ее разрозненные элементы; поэтому после переквалификации значение приобретает фактически запланированный хозяйственный результат, и если он нарушает интересы массы или принцип равенства кредиторов, объектом оспаривания становится единая сделка. При этом сама совокупность определяется через единый умысел: при наличии

¹ Определение Верховного Суда РФ от 26.06.2024 № 302-ЭС23-30103(1, 2) по делу № А74-5439/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2024 № 305-ЭС24-3389 по делу № А40-111595/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника. М.: Статут, 2021. С. 15–16

косвенных доказательств такого умысла бремя обоснования случайности связи сделок ложится на контрагента¹.

Особо сложные задачи возникают при многозвенных цепочках с посредниками и трансформацией формы актива. Так, в деле о банкротстве АО АСК «Росмед» директор должника передал страховой компании векселя аффилированного эмитента в счет погашения своего долга по займам, а на следующий день должник продал эти векселя основному акционеру. Верховный Суд РФ квалифицировал операции как единую цепочку, опосредующую перевод долга (ст. 391 ГК РФ), и указал, что оспаривание лишь одного звена ненадлежащий способ защиты: аннулирование только отступного восстановило бы заемный долг директора, но сохранило бы параллельную продажу тех же векселей, дав массе двойное требование на одну сумму. Поэтому акты нижестоящих судов отменены, а спор направлен на новое рассмотрение для оценки всей совокупности сделок².

В деле о банкротстве ООО СК «Рослес» Верховный Суд РФ разграничил два пути защиты: если цепочка прикрывает единую сделку по выводу актива, она ничтожна как притворная (п. 2 ст. 170 ГК РФ) и имущество возвращается в массу; если же первая сделка реальна, первую сделку оспаривают по ст. 61.2 Закона о банкротстве, а имущество затем виндицируют у конечного приобретателя³.

Тем самым возврат актива в массу возможен лишь при правильной квалификации всей цепочки: без установления единой цели и роли каждого звена экономически единый вывод актива скрывается за формально отдельными сделками.

Самостоятельного внимания заслуживают последствия оспаривания цепочки сделок — соотношение реституции и виндикации. Как показывает Д.О. Османова, выбор между ними предопределяется субъектным составом спора и противопоставленными интересами его участников⁴. Реституция (статьи 167, 170 ГК РФ) восстанавливает первоначальное положение сторон, не считаясь с

¹ Суворов Е.Д. Указ. соч. С. 38–39

² Определение Верховного Суда РФ от 19.03.2020 № 305-ЭС19-16046(3) // СПС «КонсультантПлюс»

³ Определение Верховного Суда РФ от 24.01.2022 № 305-ЭС20-16615(2) по делу № А41-56447/2017 // СПС «КонсультантПлюс»

добросовестностью и возмездностью приобретателя, тогда как виндикация (статья 302 ГК РФ) защищает добросовестного возмездного приобретателя, уступающего лишь при выбытии вещи помимо воли собственника. Поэтому, если всю цепочку образует единая множественность недобросовестных, связанных с должником лиц, конфликт двусторонен (она против независимых кредиторов) и разрешается «веерной реституцией» — признанием цепочки притворной, прикрывающей прямой переход актива к конечному бенефициару (статьи 167, 170 ГК РФ, статья 61.2 Закона о банкротстве). Если же цепочку прерывает добросовестный, не связанный с должником приобретатель, сталкиваются два равноценных невиновных интереса, и надлежащим средством становится виндикация, возлагающая на стороны равное бремя; подменять ее реституцией недопустимо.

Особую подгруппу фраздаторных сделок образуют односторонние сделки. Как отмечает В. Ю. Калугин, односторонний характер сделки сам по себе не выводит ее из-под оспаривания: довод о невозможности реституции опровергается практикой оспаривания зачета, где восстанавливаются встречные права сторон. Оспоримы, однако, не любые такие акты: отказ от еще не совершенной сделки оспаривать бессмысленно, тогда как отказ от длящегося договора (аренда, энергоснабжение) — можно, поскольку это восстанавливает права должника¹. Пограничный характер таких сделок Е. Д. Суворов раскрывает на примере отказа от договора аренды: арендодатель не должен быть лишен права на отказ при нарушении договора, но утрата права аренды может означать потерю значимого актива. Поэтому оспаривание допустимо лишь тогда, когда целью отказа был не защита прав арендодателя, а вывод бизнес-актива². Эта логика реализована в деле о банкротстве ООО АТП «Автобаза № 7», где внешний управляющий оспаривал односторонний отказ Департамента

⁴ Османова Д.О. Соотношение требований о виндикации и реституции при оспаривании сделок должника-банкрота // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

¹ Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 58, 72

² Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021. С. 30–31

земельных ресурсов города Москвы от договора аренды земельного участка. Признав такой отказ оспоримым как сделку, совершенную за счет должника, Верховный Суд РФ сместил предмет доказывания: поскольку сделку совершил не должник, устанавливать следует цель причинения вреда у арендодателя — его осведомленность о неплатежеспособности должника. Так как неисполнение арендатором обязательств само по себе об этом не свидетельствует, а право на отказ прямо предусмотрено законом, признаков подозрительности по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве и злоупотребления правом установлено не было¹.

К числу односторонних сделок относится и зачет, однако в контексте п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве он является не типичным, а пограничным примером и лежит скорее вне группы фраздаторных сделок. В банкротстве зачет обычно рассматривается как способ предпочтительного удовлетворения одного кредитора и тяготеет к ст. 61.3 Закона о банкротстве; самостоятельным предметом оспаривания по п. 2 ст. 61.2 он становится лишь тогда, когда за ним скрывается мнимое обязательство или неэквивалентное прекращение требований. Прекращение же реальных встречных требований по п. 2 ст. 61.2 не оспаривается — эта граница подробно рассматривается далее, в рамках группы сделок с предпочтением, на примере дела «АРКС Гидрострой»².

Особое место занимают соглашения об уплате алиментов. Алиментное соглашение представляет собой двусторонний договор, которым (бывшие) супруги определяют размер и порядок содержания, и формируют устойчивое денежное обязательство должника-гражданина. Поскольку алиментные требования относятся к первой очереди удовлетворения по ст. 213.27 Закона о банкротстве, опережая требования банков и иных кредиторов, при явно завышенном размере такое соглашение может использоваться для искусственного уменьшения доступной кредиторам массы. Вместе с тем требуются специальные признаки выхода за пределы разумной семейно-правовой цели, поскольку защита ребенка остается публично значимой целью и

¹ Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2015 № 308-ЭС15-11405 по делу № А18-222/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2025 № 305-ЭС21-25158(12) по делу № А40-187996/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

банкротство не должно становиться механизмом снижения социально оправданных выплат. Так, в деле о банкротстве Бурняшова Ю. Ю. оспаривалось соглашение, по которому должник обязался выплачивать бывшей супруге на содержание троих детей 90 % своих доходов. Верховный Суд РФ указал, что недействительность предполагает установление явно завышенного, чрезмерного размера алиментов, причинившего вред кредиторам; оценка ведется в абсолютной сумме с учетом доходов плательщика, а при превышении разумных потребностей детей соглашение признается недействительным лишь частично — в части превышения, с сохранением уровня, взыскиваемого судом по ст. 81 Семейного кодекса РФ¹. Конституционным ориентиром служит позиция КС РФ о допустимости социально значимого приоритета лишь в пределах «разумной достаточности» при сохранении баланса интересов должника и взыскателя².

Тем самым сделки, совершенные в целях причинения вреда кредиторам, образуют наиболее широкую группу: норма п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве ориентирована на вредоносную направленность волевого акта, и потому охватывает все конструкции — от безвозмездного выбытия актива до создания подконтрольной задолженности и цепочек сделок. Вместе с тем сама широта нормы не освобождает от доказывания всей совокупности элементов специального состава.

Сделки, влекущие предпочтительное удовлетворение требований отдельного кредитора, образуют самостоятельную группу оспоримых сделок, затрагивающую не сохранность конкурсной массы, а принцип коллективного и пропорционального удовлетворения требований кредиторов. Признаки предпочтительности закреплены ст. 61.3 Закона о банкротстве: обеспечение исполнения ранее возникшего обязательства, изменение очередности удовлетворения требования, досрочное удовлетворение одних кредиторов при наличии просрочки перед другими, а также оказание отдельному кредитору

¹ Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2017 № 310-ЭС 17-9405(1,2) // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Конституционного Суда РФ от 14.05.2012 № 11-П // СПС «КонсультантПлюс»

большого предпочтения, чем он получил бы при расчетах по правилам конкурсной очередности.

Внутри данной группы сделки целесообразно систематизировать по способу создания преимущества. Во-первых, это сделки по исполнению или прекращению обязательства перед отдельным кредитором: соглашение о зачете, отступное, новация, передача имущества в счет долга и иные конструкции, посредством которых кредитор получает индивидуальное удовлетворение вне общего конкурсного порядка. Во-вторых, это обеспечительные сделки — прежде всего залог, ипотека и иные способы обеспечения¹, если они усиливают положение кредитора по ранее возникшему обязательству, создавая для него дополнительную гарантию исполнения по сравнению с необеспеченными кредиторами. В-третьих, это сделки, изменяющие очередность или фактический порядок удовлетворения требований, когда кредитор получает преимущество не в силу размера своего требования, а в силу изменения его правового режима.

Особое место в этой группе занимает зачет, наиболее распространенный механизм индивидуального удовлетворения одного кредитора в обход общего режима расчетов. Тем не менее свежая практика Верховного Суда Российской Федерации показывает, что не всякое сходное с зачетом действие квалифицируется как сделка с предпочтением. В деле о банкротстве ООО «ГласСтрой» (субподрядчик) подрядчик имел обязанность оплатить фактически выполненные субподрядчиком работы, а должник — обязанность уплатить неустойку за их просрочку. Получив встречные требования, подрядчик после возбуждения дела о банкротстве субподрядчика направил последнему уведомление об уменьшении оплаты на сумму неустойки. Верховный Суд Российской Федерации квалифицировал такое действие не как зачет, а как сальдирование встречных обязательств: причитающуюся субподрядчику итоговую денежную сумму уменьшает он сам ненадлежащим исполнением

¹ Согласно п. 17 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2023 года № 26, заключение договора поручительства и исполнение поручителем своего обязательства перед кредитором не влекут негативных имущественных последствий для должника по основному обязательству и не приводят к преимущественному удовлетворению требований одного из его кредиторов. Данное разъяснение касается только процедуры банкротства основного должника.

своих обязательств, а не подрядчик, потребовавший сальдирования. Квалифицирующий признак ст. 61.3 Закона о банкротстве — получение подрядчиком предпочтения — отсутствует; разногласия о размере неустойки или итоговом расчете подлежат разрешению в самостоятельном иске о взыскании основного долга¹.

Особенность подгруппы обеспечительных сделок состоит в том, что они не всегда связаны с немедленным выбытием имущества из имущественной сферы должника, но способны радикально улучшить положение одного кредитора по сравнению с другими, поскольку создают для него дополнительную гарантию исполнения либо возможность сегрегированного удовлетворения из стоимости предмета обеспечения². В этом смысле обеспечительные сделки образуют одну из наиболее типичных форм предпочтения; вопрос обычно состоит в том, произошло ли объективное усиление позиции кредитора по ранее возникшему обязательству в пределах подозрительного периода. Так, в деле о банкротстве ООО «Трансмил» должник первоначально выступил поручителем по кредитному соглашению банка с обществом «Интеллект Дрилинг Сервисиз», а за три месяца до возбуждения дела о собственном банкротстве передал банку в залог движимое имущество в обеспечение того же кредитного обязательства. Тем самым банк по ранее возникшему долгу третьего лица получил новое обеспечение за счет имущества должника. Верховный Суд РФ признал договор залога недействительной сделкой с предпочтением: установление залога по ранее возникшему обязательству подпадает под абзацы второй и третий п. 1 ст. 61.3 Закона о банкротстве, поскольку одновременно создает обеспечение по уже существующему долгу и изменяет очередность удовлетворения требования кредитора, предоставляя ему залоговый приоритет. Состав предпочтения в этой конструкции носит формальный характер — добросовестность банка и его осведомленность о неплатежеспособности должника в предмет доказывания не

¹ Определение Верховного Суда РФ от 05.05.2023 № 307-ЭС21-21910(3) по делу № А56-108855/2019 // СПС «КонсультантПлюс»)

² Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 93

входят. Передача такого обеспечения по обязательствам третьего лица не относится к обычной хозяйственной деятельности должника и потому не выводится из-под действия ст. 61.3 Закона о банкротстве по правилу п. 2 ст. 61.4 указанного Закона¹.

Пограничный характер обеспечительных сделок проявляется применительно к залогу, возникающему из налогового ареста имущества должника. В деле о банкротстве ООО «Производственная фирма «Инзенский деревообрабатывающий завод»» налоговый орган наложил арест на имущество должника и зарегистрировал в отношении него залоговые права; конкурсный управляющий потребовал признать такое обеспечение недействительным как сделку с предпочтением по ст. 61.3 Закона о банкротстве. Позиция высшей судебной инстанции по данному вопросу претерпела разворот в течение полугода.

Первоначально Верховный Суд РФ исходил из того, что налоговый арест не порождает залогового приоритета в банкротстве². Обоснование строилось на содержательных аргументах: налоговый арест является не способом обеспечения обязательства, а механизмом исполнения акта о взыскании; принцип равенства кредиторов исключает различный режим удовлетворения требований в зависимости от процессуальной активности взыскателя; абз. 9 п. 1 ст. 126 Закона о банкротстве предусматривает снятие ранее наложенных арестов с даты признания должника банкротом, устраняя и их залоговый эффект. Залог, возникающий из ареста по п. 2.1 ст. 73 Налогового кодекса РФ, квалифицирован как частный случай арестного залога по п. 5 ст. 334 ГК РФ с тождественными правовыми последствиями.

Вместе с тем утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ 19.11.2025 разъяснением³ был закреплен противоположный подход: наложивший арест

¹ Определение Верховного Суда РФ от 25.05.2023 № 305-ЭС22-25840 по делу № А40-315186/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2025 № 306-ЭС24-23083(2) по делу № А72-19547/2022 (отменено по новым обстоятельствам определением СКЭС ВС РФ от 25.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс»

³ См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 19.11.2025 «Об утверждении разъяснений по отдельным вопросам судебной практики» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2025 № 306-ЭС24-23083(3) по делу № А72-19547/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

налоговый орган обладает правами залогового кредитора в деле о банкротстве, а действия по наложению такого ареста не могут быть оспорены. На основании указанного разъяснения первоначальное определение по делу было отменено по новым обстоятельствам, а налоговый орган в деле Инзенского деревообрабатывающего завода окончательно признан залоговым кредитором¹

Тем самым в нынешней практике складывается асимметрия. Норма п. 5 ст. 334 Гражданского кодекса РФ, действующая с 2013 года и устанавливающая возникновение залога из ареста в силу закона, на протяжении более десяти лет последовательно толкуется Верховным Судом РФ ограничительно: судебный арест не порождает залогового приоритета в банкротстве². Тожественная по содержанию норма п. 2.1 ст. 73 Налогового кодекса РФ толкуется буквально и порождает залоговый эффект, изъятый, к тому же, из сферы конкурсного оспаривания (п. 4 ст. 61.4 Закона о банкротстве). При этом тождественность сущности регулируемых отношений была прямо признана самой высшей инстанцией в Определении от 11.07.2025, а разворот позиции в конце 2025 года не сопровождался содержательным опровержением приведенной аргументации. Указанная асимметрия не имеет нормативных оснований и ставит вопрос о соответствии нового подхода принципу равенства всех перед законом (ст. 19 Конституции РФ).

Тем самым в подгруппе обеспечительных сделок выделяются два режима, разграниченные по предмету регулирования: договорные обеспечительные сделки подпадают под формальный состав предпочтения (ст. 61.3 Закона о банкротстве), тогда как публично-правовые обеспечительные меры изъяты из сферы конкурсного оспаривания (п. 4 ст. 61.4).

Среди сделок предпочтительного удовлетворения отдельного внимания заслуживает отступное: функционально оно близко к платежу и оценивается по тому же критерию — привело ли к улучшению положения отдельного кредитора

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 25.12.2025 № 306-ЭС24-23083(З) по делу № А72-19547/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

² См.: пункт 18 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2017); пункт 4 Обзора судебной практики по спорам об установлении требований залогодержателей при банкротстве залогодателей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.12.2022) // СПС «КонсультантПлюс»

по сравнению с иными. Вместе с тем сугубо формальный подход здесь недопустим. В деле о банкротстве ОАО «Брянскэнергосбыт» Верховный Суд РФ указал, что отступное может быть выведено из-под оспаривания по основанию совершения в процессе обычной хозяйственной деятельности (п. 2 ст. 61.4 Закона о банкротстве); при этом обычность определяется не прежней практикой самого должника, а соответствием сделки операциям, принятым у аналогичных участников рынка: в деле «Брянскэнергосбыт» — передача материально-технической базы утратившего статус гарантирующего поставщика в пользу заменившей его территориальной сетевой организации, для которой эти активы стали необходимыми в связи с новыми функциями¹.

Тем самым пограничной проблемой для сделок с предпочтением остается критерий обычной хозяйственной деятельности. Как подчеркивает Е. Д. Суворов, суть соответствующего возражения состоит в презумпции отсутствия у сторон специальных мотивов на отклоняющееся удовлетворение: получение исполнения в обычной хозяйственной деятельности презюмирует добросовестность кредитора, а после дела «Брянскэнергосбыт» обычность оценивается по обычаям соответствующего рынка, а не по специфике деятельности конкретного должника².

Пограничной для рассматриваемой группы остается ситуация, когда оспаривание предпочтительного удовлетворения пытаются подменить ссылкой на причинение вреда имущественным правам кредиторов. Как уже отмечалось, именно эту границу Верховный Суд РФ провел в деле о банкротстве ООО «АРКС Гидрострой»³. Конкурсный управляющий оспаривал шесть соглашений о зачете встречных требований с заинтересованным лицом — ООО «ИФСК «АРКС»» — на сумму 363,4 млн руб. Поскольку они были заключены за пределами шестимесячного периода подозрительности (ст. 61.3 Закона о банкротстве), оспаривание построено по п. 2 ст. 61.2 — со ссылкой на цель причинения вреда.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396 по делу № А09-1924/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

² Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника. М.: Статут, 2021. С. 245-246

³ Определение Верховного Суда РФ от 06.02.2025 № 305-ЭС21-25158(12) по делу № А40-187996/2019 // СПС «КонсультантПлюс»

Верховный Суд РФ с такой квалификацией не согласился: доводы управляющего, по существу, сводятся к тому, что один кредитор получил удовлетворение раньше и в большем объеме, чем это было бы возможно в общем порядке банкротства, а это соответствует составу п. 1 ст. 61.3, а не п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Прекращение реальных встречных обязательств посредством зачета само по себе не означает причинения вреда конкурсной массе; в противном случае специальный состав предпочтения был бы полностью поглощен фраздаторным, что противоречит цели законодательного регулирования.

Таким образом, сделки, влекущие предпочтительное удовлетворение требований отдельного кредитора, образуют самостоятельную и внутренне целостную группу оспоримых сделок в системе специального банкротного оспаривания. Наиболее сложными и показательными конструкциями внутри этой группы остаются зачет, требующий разграничения с сальдированием, обеспечительные сделки и исполнение, в отношении которого заявляется возражение об обычной хозяйственной деятельности.

Подводя итоги классификации сделок, оспариваемых в процедуре банкротства, можно сделать вывод, что конкурсное оспаривание представляет собой систему взаимосвязанных средств конкурсно-правовой защиты, направленных либо на восстановление имущественной сферы должника, либо на устранение недопустимого предпочтения отдельного кредитора. Построение классификации на основе конкурсного эффекта сделки, специальных оснований главы III.1 Закона о банкротстве и соответствующих сделочных конструкций в их практическом проявлении позволяет учитывать то, как данные модели складываются в судебной практике, и выявлять наиболее спорные случаи, в которых пределы допустимого вмешательства в гражданский оборот нуждаются в особенно тщательной оценке.

§2.3. Иные действия должника, подлежащие оспариванию в процедуре банкротства

Под иными действиями должника понимаются юридически значимые волевые действия, не всегда являющиеся сделками в строгом смысле, но непосредственно затрагивающие состав имущества должника или порядок удовлетворения требований кредиторов¹.

Их нормативная основа — п. 1 ст. 61.1 Закона о банкротстве, допускающий оспаривание действий по исполнению обязанностей из гражданского, трудового, семейного, налогового и процессуального законодательства, а также во исполнение судебных актов и актов публичных органов. Вместе с тем расширение предмета небезгранично: само по себе уменьшение имущественной сферы должника еще не образует объекта оспаривания.

Как отмечает В. Ю. Калугин, к предмету оспаривания относятся лишь действия, отвечающие трем критериям в совокупности. Первый — самостоятельный правовой эффект в имущественной сфере должника, что исключает акты технического и учетного характера (бухгалтерские проводки, справки). Второй — способность акта служить средством восстановления прав кредиторов: так, оспаривается не начисление заработной платы (учетная операция) и не согласие кредитора принять исполнение, а сама выплата, поскольку вред причиняет именно она². Третий — волевой характер действия; события и неправомерные действия (неурожай, авария, ДТП) предмета оспаривания не образуют³.

В предлагаемой классификации иные действия должника распределяются на шесть подгрупп: действия по исполнению гражданско-правовых обязательств, трудовые действия, обязательные платежи, действия по

¹ Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024. С. 35, 39–41, 81.

² Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2018. С. 49

³ См.: Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024.

исполнению судебных и иных публичных актов, корпоративные решения, процессуальные действия; особое место занимает бездействие.

Центральное место в системе иных действий должника, подлежащих оспариванию в деле о банкротстве, занимают действия по исполнению и прекращению обязательств. Сюда относятся платежи, передача имущества, исполнение обязательства третьим лицом, исполнение по уступленному требованию, а также иные акты, которыми обязательство фактически исполняется или прекращается и вследствие этого меняется имущественная сфера должника.

Среди указанных действий прежде всего следует выделить платежи, совершаемые во исполнение обязательства. Несмотря на сохраняющуюся в доктрине дискуссию о том, является ли платеж сделкой или иным юридически значимым действием, в настоящем исследовании он квалифицируется именно как юридически значимое волевое действие, подлежащее оспариванию в деле о банкротстве. Поэтому наличный или безналичный платеж денежного долга кредитору выступает самостоятельным объектом оспаривания, а при периодическом исполнении обязательства каждый отдельный платеж подлежит самостоятельной правовой оценке, вследствие чего срок исковой давности исчисляется по каждому из них отдельно¹.

Показательно Определение Верховного Суда РФ, в котором Суд разграничил основания оспаривания одной серии платежей в зависимости от времени их совершения: платежи в пределах шестимесячного периода в пользу аффилированного лица (сын получателя — генеральный директор должника) признаны недействительными как предпочтительные по п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве, тогда как более ранние перечисления не были оспорены по п. 2 ст. 61.2 указанного Закона ввиду недоказанности на тот момент вреда имущественным правам кредиторов².

¹ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М. : Статут, 2018. С. 41–42

² Определение Верховного Суда РФ от 24.12.2025 № 305-ЭС24-18641(2) по делу № А40-111538/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

Применительно к отступному сложились два подхода к определению предмета оспаривания. Если вред или предпочтение связаны с выбытием имущества из массы, оспаривается действие по предоставлению отступного, а не договорная конструкция: по смыслу ст. 409 ГК РФ обязательство прекращается не заключением соглашения, а его предоставлением (позиция Президиума ВАС РФ, 2011)¹. Двойственность сохраняется и в практике ВС РФ: в деле ООО «Строй Инвест»² отступное оценивалось как сделка по прекращению внутригруппового обязательства, а в деле ОАО «Смоленский Банк»³ — как форма исполнения, где решающим был экономический эффект выбытия актива из массы.

Банковская операция, как и платеж, представляет собой волевое юридически значимое действие. При списании денежных средств по распоряжению клиента она выражает волю должника на исполнение обязательства, тогда как при безакцептном списании соответствующее действие совершается банком как третьим лицом за счет имущества должника. По этой причине самостоятельным предметом конкурсно-правовой оценки выступает сам акт банковского списания, непосредственно влекущий изменение имущественной сферы должника⁴.

Базовое значение имеет Определение Верховного Суда РФ от 19 марта 2015 года: списания со счета ООО «Транскамсервис» в преддверии банкротства банка позволили клиенту получить исполнение в период, когда требования других клиентов уже не удовлетворялись из-за недостаточности средств на корреспондентском счете; такие операции квалифицированы как создающие недопустимое преимущество в расчетах⁵.

¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 31.05.2011 № 18327/10 по делу № А04-819/2010 // СПС «КонсультантПлюс»

² Определение Верховного Суда РФ от 11.07.2024 № 305-ЭС24-3389 по делу № А40-111595/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Определение Верховного Суда РФ от 24.04.2024 № 310-ЭС15-7336(40) по делу № А62-7344/2013 // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Шишмарева Т. П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии. М.: Статут, 2018. С. 45–47

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 19.03.2015 № 303-ЭС14-6709 по делу № А24-3787/2012 // СПС «КонсультантПлюс»

Удержание создает для ретентора обеспечительный приоритет¹ в отношении вещи должника и влияет на порядок расчетов; ключевой вопрос — сохраняется ли этот приоритет в банкротстве. Верховный Суд РФ фактически признал за удержанием залогоподобный эффект, допустив реализацию прав ретентора по аналогии с залогом². Такой подход остается дискуссионным: одни видят в нем справедливую защиту ретентора, другие — новую привилегию, ослабляющую равенство кредиторов без ясного указания закона³.

К числу иных действий по исполнению гражданско-правовой обязанности относится исполнение обязательства третьим лицом: конкурсно-правовое значение имеет не сам факт участия третьего лица, а имущественный результат — за чей счет реально произведено исполнение и к какому перераспределению массы оно привело⁴. В деле о банкротстве АО «Санаторий «Рассиянка»⁵ Верховный Суд РФ указал, что частичное погашение третьим лицом долга должника при одновременной неоплате этим лицом полученного у должника имущества, стоимость которого превышает сумму погашения, лишает кредитора возможности возбудить дело о банкротстве (его требование оказывается погашенным) и исключает оспаривание подозрительных сделок; такое использование ст. 313 ГК РФ противоречит принципам добросовестности⁶.

Самостоятельное значение имеет и исполнение должником по уступленному требованию. Верховный Суд РФ указал, что последующее признание договора цессии недействительным само по себе не влечет повторного исполнения обязательства первоначальному кредитору: при добросовестном исполнении новому кредитору негативные последствия спора между cedentом и цессионарием на должника не возлагаются. Следовательно,

¹ Балан А.И., Будылин С.Л. Дело об удержанной автотоматрисе, или Спор физиков и лириков в праве // Вестник экономического правосудия РФ. 2021. № 1. С. 5–43

² Определение Верховного Суда РФ от 27.06.2019 № 301-ЭС19-2351 по делу № А82-25746/2017 // СПС «КонсультантПлюс»

³ Балан А.И., Будылин С.Л. Там же.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 22.04.2021 № 305-ЭС20-13952(2) по делу № А40-199320/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

⁵ фирменное наименование приводится так, как оно указано в учредительном документе общества и в едином государственном реестре юридических лиц

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 23.07.2025 г. № 308-ЭС24-13579 (2) по делу № А32-57879/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

самостоятельным предметом правовой оценки становится именно действие должника по исполнению цессионарию, причем ключевое значение здесь приобретает добросовестность такого исполнения¹.

Наконец, самостоятельное значение могут иметь и действия по оформлению исполнения первичными документами. Так, в деле о банкротстве ООО «Фирма Автотехцентр-Троицк» управляющий оспорил акт по форме КС-2 и справку по форме КС-3: суды признали их недействительными, поскольку подрядчик оформил документы односторонне, создав видимость исполнения без реального выполнения работ². Тем самым значение таких документов определяется не их наличием, а тем, удостоверяют ли они действительное исполнение обязанности.

Особую подгруппу образуют трудовые распорядительные и платежные действия работодателя. Оспариванию подлежит не начисление заработной платы (учетная операция), а ее выплата; предмет оспаривания охватывает также соглашения и приказы об установлении или увеличении оплаты, премий и иных выплат³. Ключевую позицию ВС РФ сформулировал в 2020 году: ухудшение финансового состояния работодателя само по себе не лишает работника права на индексацию и премии, входящие в систему оплаты труда, а проверке подлежит явное (кратное) отклонение совокупной оплаты от вознаграждения по аналогичной должности у сопоставимых работодателей⁴. В 2025 году Верховный Суд РФ подтвердил подход, отвергнув признание премий недействительными лишь из-за отсутствия письменных приказов — без доказанной кратной несоразмерности⁵.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 26.11.2018 № 305-ЭС17-11566(14) по делу № А40-135644/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

² Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13.05.2014 № Ф05-14439/12 по делу № А41-21370/2011 // СПС «КонсультантПлюс»

³ См.: Постановление ФАС Дальневосточного округа от 12 апреля 2012 г. № Ф03-1223/2012 по делу № А16-1341/2010; Постановление ФАС Московского округа от 11 июня 2014 г. № Ф05-5359/2010 по делу № А41-33961/2009; Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28 октября 2014 г. № Ф06-16215/2013 по делу № А72-3615/2012; Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 5 июня 2015 г. № 04АП-4057/2011 по делу № А10-1735/2010; Определение Верховного Суда РФ от 14 июня 2016 г. № 305-ЭС16-1744 по делу № А40-165966/2014 // СПС «КонсультантПлюс»

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623(7) по делу № А41-34824/2016 // СПС «КонсультантПлюс»

⁵ Определение Верховного Суда РФ от 24 июля 2025 г. № 305-ЭС25-2583 по делу № А40-207017/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

К иным действиям относится погашение обязательных платежей — налогов, сборов, таможенных платежей. Оспаривается само перечисление средств, а не акты администрирования, по п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве как предпочтительное удовлетворение требований бюджета. При этом, как разъяснил Обзор Президиума ВС РФ от 20.12.2016, принудительное взыскание по ст. 46–47 НК РФ само по себе не подтверждает осведомленности органа о неплатежеспособности. Поэтому для оспаривания в шестимесячный период управляющий должен доказать совокупность объективных признаков кризиса — нарушение очередности при наличии более ранних требований, систематичность неисполнения, сведения об исполнительных производствах или картотеке, осведомленность уполномоченного органа о неплатежеспособности должника и нарушении очередности расчетов с кредиторами¹.

К иным действиям относится исполнение судебных актов и актов публичных органов, когда за счет имущества должника совершается предоставление, влияющее на массу и очередность. Оспаривается само действие по исполнению — списание по исполнительному листу, перечисление взыскателю выручки, оставление имущества за взыскателем, — по главе III.1 Закона о банкротстве², преимущественно по ст. 61.3, а при наличии состава — по п. 2 ст. 61.2³. Так, в одном из дел ВС РФ оценивал зачет встречных требований, совершенный на стадии исполнения, как приведший к предпочтению⁴; в деле Сметанина внешним основанием был приговор о наложении ареста, однако

¹ См.: Определение Верховного Суда РФ от 28.03.2023 № 309-ЭС18-1603(5) по делу № А76-24933/2013; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2024 по делу № А56-108239/2019; Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2025 по делу № А13-5489/2023; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.03.2025 по делу № А27-12146/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

² См.: пункт 1 Постановления Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс»

³ Об ограничении такой квалификации см.: Определение СКЭС ВС РФ от 06.02.2025 № 305-ЭС21-25158(12) по делу № А40-187996/2019 // СПС «КонсультантПлюс». Одно лишь нарушение очередности расчетов само по себе не свидетельствует о причинении вреда конкурсной массе.

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 26.09.2024 № 305-ЭС23-18705(2) по делу № А40-50996/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

судьба имущества определяется по правилам формирования конкурсной массы⁵. В современной судебной практике оспаривание исполнения актов публичных органов чаще всего встречается в спорах о передаче взыскателю нереализованного имущества по акту судебного пристава-исполнителя, о списании денежных средств со счета должника в пользу ФССП России и о перечислении взыскателю денежных средств в рамках исполнительного производства². Вместе с тем эту категорию следует отграничивать от случаев, когда последствия предопределены самим судебным актом: тогда применяется специальный порядок п. 12 ст. 16 Закона о банкротстве и Пленума № 40.

Особую категорию образуют процессуальные действия — признание иска, отказ от иска, заключение мирового соглашения; их оспоримость прямо закреплена п. 49 Постановления Пленума № 40 (перечень открытый)³. Так, в деле «АБ-Маркет» (2021) ВС РФ указал, что предмет оспаривания не ограничен сделками в смысле ст. 153 ГК РФ, а отказ от иска безвозвратно уменьшает массу, лишая права на повторное обращение⁴; на той же основе 6-й ААС в 2025 году признал недействительным признание иска за четыре месяца до банкротства, повлекшее включение в реестр 123,9 млн руб. на заведомо невыгодных условиях⁵.

Тем самым включение процессуального действия в предмет конкурсного оспаривания подчинено двум условиям: материально-правовое последствие для конкурсной массы и отсутствие иного эффективного средства защиты — при возможности обычного процессуального обжалования оно сохраняет приоритет.

¹ Определение Верховного Суда РФ от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

² См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.06.2025 по делу № А40-291210/2023; Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2024 по делу № А40-105473/2014; Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2024 по делу № А09-5967/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

³ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ», п. 49 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Определение Верховного Суда РФ от 24.06.2021 № 305-ЭС21-1766(1, 2) по делу № А40-193248/2018 // СПС «КонсультантПлюс»

⁵ См.: Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2025 № 06АП-1380/2025 по делу № А73-597/2022 (Постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 08.10.2025 N Ф03-3122/2025 данное постановление оставлено без изменения) // СПС «КонсультантПлюс»

На этом приоритете настаивает и И. М. Шевченко, оставляя конкурсное оспаривание лишь для случаев, когда негативные последствия не могут быть преодолены процессуальными средствами¹. Пункт 49 Постановления Пленума № 40 закрепляет двухступенчатую модель: банкротный суд квалифицирует действие должника по ст. 61.2 или 61.3 Закона о банкротстве, а соответствующий судебный акт пересматривается по новым обстоятельствам с исключением требования из реестра, что согласует защиту конкурсной массы с правовой определенностью.

Следующую категорию иных действий должника, подлежащих конкурсному оспариванию, образуют корпоративные решения — прежде всего решения об увеличении уставного капитала, о выплате дивидендов, о реорганизации, принимаемые органами управления должника или общества, в котором должник участвует. Специфика данной категории состоит в том, что корпоративное решение, как правило, затрагивает не одно, а сразу несколько правоотношений: между обществом и его участниками, между обществом и кредиторами, между самими участниками; оспаривание такого решения способно повлечь пересмотр целой цепочки юридически связанных актов — от регистрации изменений в учредительных документах до договоров с приобретателями размещаемых акций.

Фундаментом практики остается дело ООО УК «Регионгазификация»: должник, владевший 67,37 % акций, после решения о допэмиссии в пользу офшора по цене 1 рубль за акцию утратил контроль — его доля была размыта до 2,69 %. ВС РФ указал, что корпоративные решения дочерних обществ по общему правилу не оспариваются по главе III.1, но в исключительных случаях — при использовании корпоративных процедур для причинения вреда кредиторам — оспаривание допустимо, и при новом рассмотрении надлежит установить, формировало ли собрание самостоятельную волю либо прикрывало вывод

¹Шевченко И.М. Оспаривание процессуальных действий должника-банкрота: новое прочтение. О п. 49 Постановления Пленума ВС РФ // Интернет-портал «ПРОбанкротство». 27.05.2025.

актива². Развитие подход получил в деле АО «ЦЕСИС» (Обзор № 4 за 2025): соблюдение формальной процедуры не исключает недействительности решения, если корпоративный механизм использован для фактического лишения миноритария имущественной ценности; этот вывод значим и для конкурсного оспаривания — решение оценивается через его реальный экономический эффект².

В сферу оспаривания попадают и выплаты дивидендов в условиях объективной неплатежеспособности. В деле о банкротстве ООО «Интел» Арбитражный суд Восточно-Сибирского округа признал, что выплата прибыли оспорима по главе III.1 и может быть недействительной по п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве независимо от корпоративного оформления, отклонив довод о том, что перечисление прибыли не является сделкой.³ Тем самым для оспаривания значима сама способность корпоративного акта повлечь уменьшение массы или предпочтение связанным с должником лицам.

Конкурсное оспаривание корпоративных решений следует отграничивать от корпоративных средств защиты (ст. 53, 53.1, 173.1, 174 ГК РФ): первое ограждает массу от вывода активов в ущерб независимым кредиторам, вторые обслуживают внутренние отношения общества и участников. Поэтому контролирующие и аффилированные лица по общему правилу правом на конкурсное оспаривание не наделены⁴.

Применительно к группам компаний С. А. Карелина разграничивает добросовестное распределение ресурсов внутри группы и циклическую модель вывода убыточных центров в банкротство; как указал ВС РФ в деле ЗАО

¹Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2017 N 305-ЭС17-12763(1,2) по делу № А40-698/2014// СПС «КонсультантПлюс».

²Определение Верховного Суда РФ от 02.09.2025 № 306-ЭС24-21253 по делу № А49-11694/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

³Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.11.2016 № Ф02-6639/2016 по делу № А10-3502/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴См.: пункт 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // СПС «КонсультантПлюс».

«УГМК-Рудгормаш», внешне законная внутригрупповая модель становится недобросовестной с момента, когда причиняет вред независимым кредиторам¹.

Обобщение позволяет выделить три условия оспаривания корпоративных решений: непосредственное имущественное воздействие на массу (размытие доли, утрата актива, дивиденды); использование формально законной процедуры для результата, эквивалентного отчуждению (допэмиссия в пользу аффилированного лица, реорганизация с переводом активов); отсутствие разумных экономических причин помимо вреда или предпочтения.

Отдельную проблему в рамках предмета конкурсного оспаривания образует бездействие должника. В отличие от ранее рассмотренных форм активного поведения, оно выражается в воздержании от совершения действия, которое должник был вправе или обязан совершить. Прямое закрепление возможности конкурсного оспаривания бездействия на уровне разъяснений высшей судебной инстанции появилось с принятием Постановления Пленума № 40, пункт 49 которого объединил в едином перечне действия и бездействие должника, называя среди оспоримых случаев незаявление о пропуске срока исковой давности².

В доктрине вопрос о допустимости оспаривания бездействия остается дискуссионным. Позицию, отрицающую такую оспоримость, последовательно отстаивают А. В. Егоров и В. Ю. Калугин: Закон о банкротстве не возлагает на должника обязанности предпринимать действия для увеличения конкурсной массы, а лишь запрещает уменьшать уже имеющееся имущество; бездействие, кроме того, не может быть оспорено в силу невозможности признания недействительным юридически значимого события, а защита кредиторов

¹См.: Карелина С.А. Группа компаний в банкротном праве: монография. М.: Статут, 2025. С. 401–402; Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Верховного Суда РФ от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

²См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса РФ», п. 49 // СПС «КонсультантПлюс»

обеспечивается через совершение финансовым управляющим активных действий от имени должника¹.

Противоположный подход, развитый Т. П. Шишмаревой и Д. В. Борейшо, связывает допустимость оспаривания с функциональной эквивалентностью бездействия отчуждению актива: бездействие оспоримо при умышленном пропуске срока давности по дебиторской задолженности, непринятии наследства, уклонении от реализации преимущественного права. В его основе — широкая трактовка вреда, охватывающая не только выбытие имущества, но и его непоступление в массу, что применительно к непринятию наследства допускает оспаривание по совокупности условий п. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве: должник признавал, что активы достанутся иным членам семьи, а безвозмездность предоставления презюмирует недобросовестность получателя².

Практика развивалась поэтапно. В деле ИП Романовой ВС РФ признал недействительным отказ должника от доли в наследстве в пользу родственников³; в деле ООО «Логистик лес» — закрепил право кредиторов заявлять о пропуске должником срока давности⁴. Итоговое обобщение дано в п. 53 Обзора 2025 года: оспоримы не только сделки, но и любые действия, причиняющие вред, прежде всего недобросовестный отказ от наследства и его непринятие, а квалифицирующим фильтром служит направленность воли на сокрытие имущества, а не морально-этические мотивы⁵. Формирующаяся на основе указанного разъяснения практика арбитражных судов округов показывает, что установление направленности воли требует полноценного исследования обстоятельств каждого дела. Так, в деле Трошина АС Волго-

¹См.: Егоров А.В. Конкурсное оспаривание отказа от принятия наследства: дьявол в деталях // Цивилистика. 2022. № 1. URL: <https://probankrotstvo.ru/expert-pro/konkursnoe-osparivanie-otkaza-ot-priniatiia-nasledstva-diavol-v-detaliakh-71> (дата обращения: 12.05.2026); Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. С. 53.

²Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии: монография. М.: Статут, 2018. С. 22–24; Борейшо Д.В. Оспаривание кредиторами отказа от наследства в современном российском праве // Цивилистика. 2022. № 1. С. 204–206, 209, 219.

³Определение Верховного Суда РФ от 14.09.2018 № 305-ЭС18-13167 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴Определение Верховного Суда РФ от 30.03.2022 № 303-ЭС21-25594 по делу № А51-12733/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.06.2025), п. 53.

Вятского округа отменил признание отказа недействительным, потребовав соотнести активы и обязательства наследственной массы¹.

Оспаривание бездействия имеет специфические последствия: реституция неприменима, поскольку истекший срок не восстанавливается, и защита обеспечивается иначе — правом управляющего или кредиторов совершить пропущенное действие либо пересмотром производных последствий (исключение из реестра требования лица, в пользу которого состоялся отказ)². Тем самым оспаривание бездействия допускается лишь в прямо обозначенных разъяснениями случаях (п. 49 Пленума № 40 — незаявление о давности; п. 53 Обзора 2025 — непринятие наследства) при наличии у должника возможности действовать и направленности воли на причинение вреда; институт банкротства не может становиться инструментом всеобщего понуждения должника к активности.

Обозначенные выше группы иных действий должника демонстрируют достаточно широкий охват предмета конкурсного оспаривания. Вместе с тем сама возможность столь широкого толкования делает необходимым вопрос о том, где проходит его граница: какие юридические факты, даже будучи связанными с имущественной сферой должника, не должны попадать в сферу банкротного контроля и по каким критериям их следует отграничивать.

Вопрос о критериях, позволяющих отграничить действия, подлежащие конкурсному оспариванию, от действий, остающихся вне сферы его применения, наиболее последовательно разработан В.Ю. Калугиным. Им выделяются три критерия: оспариваемое действие должно создавать непосредственные правовые последствия не только для должника, но и для других лиц — потенциальных ответчиков по иску; его оспаривание в деле о банкротстве должно приводить к восстановлению нарушенных прав кредиторов; указанное юридическое действие должно отражать волю должника или иного лица на его совершение.

¹Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.09.2025 по делу № А43-33225/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. С. 44–46.

На основании этих критериев из предмета конкурсного оспаривания обоснованно исключаются: бухгалтерские проводки, не направленные на порождение гражданско-правовых последствий (например, технические записи о списании дебиторской задолженности или о перемещении товара со склада на склад); бездействие, прямо не отнесенное законом или разъяснениями высших судов к оспоримым случаям (в частности, молчание долевого собственника, не получающего предложение о преимущественном приобретении доли, либо отказ должника от совершения тех действий, к которым он не обязан в силу закона); а также действия контрагентов должника по отказу от заключения предложенной сделки, поскольку такой отказ не влечет последствий для имущественной сферы самого должника¹.

Самостоятельное значение имеет разграничение конкурсного и внеконкурсного оспаривания. Конкурсное оспаривание обслуживает коллективный интерес кредиторов в рамках процедуры банкротства и опирается на специальные основания главы III.1 Закона о банкротстве; внеконкурсное оспаривание защищает индивидуального кредитора и использует общие нормы о недействительности сделок (статьи 10, 168, 170 ГК РФ). Это две самостоятельные категории с различным субъектным составом, режимом и основаниями, что исключает прямое заимствование банкротной логики вне процедуры несостоятельности².

Доктринальный фундамент вышеописанного подхода содержит позиция Е.Д. Суворова, согласно которой в рамках банкротства предмет оспаривания определяется не формальной природой юридического факта, а его способностью влиять на имущественную сферу должника и, следовательно, на возможность удовлетворения требований сообщества кредиторов³. Этот подход согласуется с моделью, закрепленной в параграфе 129 *Insolvenzordnung*, где категория

¹Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. Екатеринбург, 2024. С. 80–81.

²Свириденко О. М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // СПС «КонсультантПлюс».

³Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... докт. юрид. наук: 5.1.3. М., 2023. С. 318–325.

Rechtshandlungen — правовых действий — охватывает любое юридически значимое поведение, влияющее на имущественную сферу должника¹.

Сравнительно-правовое сопоставление обнаруживает здесь существенное отличие: в немецком праве данная категория закреплена непосредственно в тексте закона, тогда как в российском правовом порядке логика конкурсного оспаривания, исходящая из имущественного эффекта юридического факта, складывается преимущественно на уровне судебной практики и разъяснений высших судов. Это подтверждает обоснованность предложения о закреплении легального определения предмета конкурсного оспаривания непосредственно в Законе о банкротстве.

¹Insolvenzordnung vom 05.10.1994 (BGBl. I S. 2866) § 129. См.: Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии: монография. М.: Статут, 2018. С. 30–35.

Заключение

Проведенное исследование показало, что оспаривание сделок и иных действий должника при несостоятельности (банкротстве) выступает одним из ключевых инструментов защиты имущественных прав сообщества кредиторов и наполнения конкурсной массы. Об этом свидетельствует динамика обособленных споров: число заявлений о признании сделок недействительными возросло с 10 476 в 2020 году до 23 478 в 2025 году — более чем вдвое за пять лет — при стабильной доле удовлетворенных требований. Возрастающая активность применения главы III.1 Закона о банкротстве порождает проблемы, часть которых разрешима толкованием, а часть требует законодательного вмешательства. Основные выводы работы выражены в положениях, выносимых на защиту.

Во-первых, в отношениях несостоятельности категория «сделка» приобретает иное значение, чем в гражданском законодательстве: она утрачивает связь с определением ст. 153 ГК РФ и охватывает широкий круг юридически значимых действий — а в прямо предусмотренных законом и разъясненных высшей судебной инстанцией случаях и бездействие — как самого должника, так и третьих лиц, совершенных за его счет. Определяющим становится не форма акта, а его имущественный результат — влияние на состав конкурсной массы или порядок удовлетворения требований кредиторов. Это обосновывает приведение наименования главы III.1 Закона о банкротстве в соответствие с ее содержанием — «Оспаривание сделок и иных действий должника» — и дополнение ст. 61.1 указанного Закона прямым перечислением соответствующих категорий актов и действий.

Во-вторых, расширительное понимание сделки требует установления пределов допустимости вмешательства в частноправовые отношения должника. Поскольку банкротное право не опирается на единую универсальную категорию оспариваемого поведения, границы допустимого задаются нормативной рамкой главы III.1, выполняющей роль «фильтра». Эти пределы очерчивают предмет

оспаривания, сроки совершения оспариваемых действий и бездействия, применяемые процессуальные стандарты доказывания и круг управомоченных лиц; их внешним ограничителем выступают принципы невмешательства в частные дела, имущественной обособленности юридического лица и правила об исковой давности. Процедура банкротства не является самостоятельной правовой ценностью, господствующей над иными институтами гражданского права, на что последовательно указывает Верховный Суд РФ, а потому расширение инструментария оспаривания не должно превращаться в средство ревизии любых частноправовых результатов.

В-третьих, общегражданские основания недействительности (статьи 10, 168, 170 ГК РФ) применяются субсидиарно по отношению к специальным составам главы III.1 — лишь тогда, когда пороки сделки выходят за пределы дефектов, охватываемых специальными нормами, что подтверждено устойчивой позицией Верховного Суда РФ. Выявлено недобросовестное использование общегражданских оснований для искусственного удлинения срока исковой давности — трехгодичного по статьям 10 и 168 вместо годичного, установленного для оспоримых сделок, — которое подлежит пресечению как процессуальное злоупотребление. Особая природа конкурсного оспаривания предполагает нормативное закрепление условий и пределов субсидиарного обращения к ГК РФ; при этом субсидиарность действует в конкурсном контуре, тогда как вне банкротства общегражданские основания применяются самостоятельно — ввиду отсутствия конкуренции со специальными составами.

В-четвертых, внеконкурсное оспаривание представляет собой самостоятельный правовой институт, не получивший в российском праве нормативного оформления и фактически «поддерживаемый» общегражданскими основаниями. Оно мотивировано личным интересом конкретного кредитора и направлено на возврат имущества в имущественную сферу должника для обращения на него взыскания; через сам факт возврата актива косвенно обеспечивается и защита интересов иных независимых кредиторов.

Отсюда расщепление правовых режимов — ничтожность по общегражданским основаниям вне банкротства и оспоримость по специальным основаниям в деле о банкротстве, — представляющее собой системный недостаток. Внеконкурсное оспаривание требует самостоятельной законодательной регламентации его оснований, субъектного состава, процессуального порядка и сроков исковой давности, что устранил неопределенность применения статей 10 и 168 ГК РФ как квазиоснования оспаривания и минимизирует риск повторного оспаривания одной и той же сделки — сначала во внеконкурсном, а затем в конкурсном порядке.

Наряду с изложенным в работе обоснованы предложения по уточнению оценочных категорий специальных составов — закреплению открытого перечня обстоятельств, учитываемых при оценке существенной неравноценности встречного предоставления, и критерия взаимосвязанности встречных обязательств для разграничения зачета и сальдирования.

Сформулированные предложения могут быть выражены в конкретных редакциях. Пункт 1 статьи 61.1 Закона о банкротстве предлагается дополнить положением: «оспариванию подлежат также иные действия должника и других лиц, совершенные за счет должника (исполнение обязательств, корпоративные и процессуальные действия), а равно бездействие должника в прямо предусмотренных настоящим Федеральным законом случаях, если они влекут уменьшение конкурсной массы либо нарушение очередности удовлетворения требований кредиторов». Пункт 1 статьи 61.2 предлагается дополнить указанием, что при оценке существенности неравноценности учитываются кратность отклонения цены от рыночной, состояние и характеристики имущества, экономический контекст и цель сделки. Внеконкурсное оспаривание предлагается закрепить отдельной статьей, определив основания (статьи 10, 168 и 170 ГК РФ), субъект (отдельный кредитор до возбуждения дела о банкротстве), последствие (возврат имущества в имущественную сферу должника для обращения на него взыскания) и годичный срок исковой давности.

Реализация предложенных мер способна обеспечить одновременно повышение эффективности защиты имущественных прав гражданско-правового сообщества кредиторов и удержание оспаривания в границах основополагающих принципов гражданского права — невмешательства в частные дела, имущественной обособленности юридического лица и исковой давности, — без чего расширение банкротного инструментария рискует превратиться в инструмент произвольного пересмотра сложившихся правоотношений. Сохранение указанного баланса представляет собой магистральное направление дальнейшего развития как законодательства о несостоятельности, так и правоприменительной практики.

Сформулированные выводы и предложения могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также в дальнейших научных исследованиях проблем конкурсного и внеконкурсного оспаривания сделок и иных действий должника при несостоятельности (банкротстве).

Библиографический список

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

5. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

6. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

7. Федеральный закон от 28.04.2009 № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2009. № 18 (ч. I). Ст. 2153.

8. Федеральный закон от 29.05.2024 № 107-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“ и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 23 (ч. I). Ст. 3045.

Нормативные правовые акты иностранных государств

9. Insolvenzordnung vom 5. Oktober 1994 (BGBl. I S. 2866) // URL: <http://www.gesetze-im-internet.de> (дата обращения: 23.02.2026).

Материалы судебной практики

10. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14.05.2012 № 11-П «По делу о проверке конституционности положения абзаца второго части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Ф.Х. Гумеровой и Ю.А. Шикунова» // СПС «КонсультантПлюс».

11. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“ в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина» // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 30.04.2009 № 32 «О некоторых вопросах, связанных с оспариванием сделок по основаниям, предусмотренным Федеральным законом „О несостоятельности (банкротстве)“» // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 23.12.2010 № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона „О несостоятельности (банкротстве)“» // СПС «КонсультантПлюс».

14. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 22.06.2012 № 35 «О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве» // СПС «КонсультантПлюс».

15. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

16. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 «О некоторых вопросах, связанных с применением норм

Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2023 № 26 «Об особенностях применения судами в делах о несостоятельности (банкротстве) норм о поручительстве» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17.12.2024 № 40 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Федерального закона от 29 мая 2024 года № 107-ФЗ „О внесении изменений в Федеральный закон „О несостоятельности (банкротстве)“ и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации“» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2025 № 41 «Об установлении в процедурах банкротства требований контролирующих должника лиц и аффилированных лиц должника» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Обзор судебной практики по вопросам, связанным с участием уполномоченных органов в делах о банкротстве и применяемых в этих делах процедурах банкротства (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.12.2016, ред. от 26.12.2018) // СПС «КонсультантПлюс».

22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23.12.2020) // СПС «КонсультантПлюс».

23. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.11.2021) // СПС «КонсультантПлюс».

24. Обзор судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве) за 2024 год (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

25. Обзор судебной практики по делам о банкротстве граждан (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

26. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.12.2025) // СПС «КонсультантПлюс».

27. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 31.05.2011 № 18327/10 по делу № А04-819/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

28. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 913/11 по делу № А27-4849/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

29. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 04.12.2012 № 8989/12 по делу № А28-5775/2011-223/12 // СПС «КонсультантПлюс».

30. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2015 № 303-ЭС14-6709 по делу № А24-3787/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

31. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2015 № 308-ЭС15-11405 по делу № А18-222/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

32. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2016 № 310-ЭС15-12396 по делу № А09-1924/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

33. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.06.2016 № 305-ЭС16-1744 по делу № А40-165966/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

34. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.07.2016 № 304-ЭС15-2412(16) по делу № А27-472/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

35. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.10.2017 № 310-ЭС17-9405(1,2) // СПС «КонсультантПлюс».

36. Определение Верховного Суда РФ от 18.12.2017 № 305-ЭС17-12763 (1,2) по делу № А40-698/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

37. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2018 № 304-ЭС17-14946 по делу № А46-6454/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

38. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 301-ЭС17-13352 по делу № А31-4923/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

39. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2018 № 305-ЭС17-17342 по делу № А41-86889/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

40. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.09.2018 № 305-ЭС18-13167 // СПС «КонсультантПлюс».

41. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 № 305-ЭС17-11566(14) по делу № А40-135644/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

42. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.02.2019 № 305-ЭС18-18538 // СПС «КонсультантПлюс».

43. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2019 № 301-ЭС19-2351 по делу № А82-25746/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

44. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2019 № 305-ЭС19-4021 по делу № А40-241983/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

45. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.08.2019 № 304-ЭС15-2412(19) по делу № А27-472/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

46. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2019 № 304-ЭС19-11744 (по делу о банкротстве ОАО «Внешнеэкономическое объединение „Технопромэкспорт“») // СПС «КонсультантПлюс».

47. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.10.2019 № 305-ЭС19-10064 по делу № А41-47794/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

48. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.01.2020 № 308-ЭС19-18779(1,2) по делу № А53-38570/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

49. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 19.03.2020 № 305-ЭС19-16046(3) // СПС «КонсультантПлюс».

50. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.06.2020 № 307-ЭС16-7958 по делу № А21-8868/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

51. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 305-ЭС19-18890(2) по делу № А40-99919/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

52. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20.08.2020 № 306-ЭС19-2986(5) по делу № А65-27205/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

53. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.09.2020 № 310-ЭС20-6760 по делу № А14-7544/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

54. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 01.10.2020 № 305-ЭС19-20861(4) по делу № А40-158539/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

55. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.10.2020 № 303-ЭС20-5380 по делу № А16-2306/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

56. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 15.10.2020 № 302-ЭС20-1275 по делу № А19-12341/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

57. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 10.12.2020 № 306-ЭС20-15629 по делу № А65-18636/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

58. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2020 № 305-ЭС17-9623(7) по делу № А41-34824/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

59. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.04.2021 № 305-ЭС20-13952(2) по делу № А40-199320/2016 // СПС «КонсультантПлюс».
60. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2021 № 305-ЭС19-17221(2) по делу № А40-90454/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
61. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.06.2021 № 305-ЭС21-1766(1, 2) по делу № А40-193248/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
62. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.10.2021 № 305-ЭС19-10064(5) по делу № А41-47794/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
63. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2021 № 305-ЭС21-19707 по делу № А40-35533/2018 // СПС «КонсультантПлюс».
64. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.01.2022 № 305-ЭС20-16615(2) по делу № А41-56447/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
65. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2022 № 303-ЭС21-25594 по делу № А51-12733/2020 // СПС «КонсультантПлюс».
66. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2022 № 306-ЭС21-4742 по делу № А12-42/2019 // СПС «КонсультантПлюс».
67. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.11.2022 № 304-ЭС17-18149(15) по делу № А27-22402/2015 // СПС «КонсультантПлюс».
68. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.01.2023 № 305-ЭС19-18803(10) // СПС «КонсультантПлюс».
69. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.03.2023 № 309-ЭС18-1603(5) по делу № А76-24933/2013 // СПС «КонсультантПлюс».
70. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30.03.2023 № 310-ЭС22-19858 по делу № А09-1247/2021 // СПС «КонсультантПлюс».
71. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2023 № 307-ЭС21-21910(3) по делу № А56-108855/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

72. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.05.2023 № 305-ЭС22-25840 по делу № А40-315186/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

73. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 29.08.2023 № 307-ЭС23-4950 по делу № А56-59474/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

74. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2023 № 305-ЭС21-13317(2) по делу № А41-1026/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

75. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.08.2023 № 305-ЭС23-6205 по делу № А40-74086/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

76. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28.09.2023 № 305-ЭС21-18053(6,8) по делу № А40-291982/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

77. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.11.2023 № 306-ЭС23-14897 по делу № А65-24538/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

78. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.03.2024 № 305-ЭС20-20127(20) по делу № А40-32986/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

79. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2024 № 310-ЭС15-7336(40) по делу № А62-7344/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

80. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.05.2024 № 305-ЭС17-21643(3) по делу № А40-120633/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

81. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.06.2024 № 302-ЭС23-30103(1,2) по делу № А74-5439/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

82. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2024 № 305-ЭС24-3389 по делу № А40-111595/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

83. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2024 № 305-ЭС23-18705(2) по делу № А40-50996/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

84. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

85. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2025 № 305-ЭС21-25158(12) по делу № А40-187996/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

86. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25.06.2025 № 305-ЭС23-24052(3) по делу № А40-231308/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

87. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 11.07.2025 № 306-ЭС24-23083(2) по делу № А72-19547/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

88. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 23.07.2025 № 308-ЭС24-13579(2) по делу № А32-57879/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

89. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.07.2025 № 305-ЭС25-2583 по делу № А40-207017/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

90. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 02.09.2025 № 306-ЭС24-21253 по делу № А49-11694/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

91. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.12.2025 № 305-ЭС24-18641(2) по делу № А40-111538/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

92. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.03.2026 № 305-ЭС25-7233 по делу № А40-161457/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

93. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2026 № 305-ЭС24-22767 по делу № А40-128803/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

94. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.04.2012 № Ф03-1223/2012 по делу № А16-1341/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

95. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 13.05.2014 № Ф05-14439/12 по делу № А41-21370/2011 // СПС «КонсультантПлюс».

96. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 11.06.2014 № Ф05-5359/2010 по делу № А41-33961/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

97. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 28.10.2014 № Ф06-16215/2013 по делу № А72-3615/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

98. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.11.2016 № Ф02-6639/2016 по делу № А10-3502/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

99. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 02.03.2023 № Ф10-6361/2022 по делу № А08-6032/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

100. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 14.02.2024 по делу № А14-19664/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

101. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 29.11.2024 № Ф09-2524/19 по делу № А50-35007/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

102. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 16.06.2025 по делу № А40-291210/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

103. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.09.2025 по делу № А43-33225/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

104. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 30.06.2012 по делу № А19-12064/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

105. Постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 05.06.2015 № 04АП-4057/2011 по делу № А10-1735/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

106. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17.02.2024 по делу № А56-108239/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

107. Постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.03.2024 по делу № А09-5967/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

108. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 25.09.2024 по делу № А40-105473/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

109. Постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 29.01.2025 по делу № А13-5489/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

110. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 10.03.2025 по делу № А27-12146/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

111. Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 08.08.2025 № 06АП-1380/25 по делу № А73-597/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

112. Определение Арбитражного суда города Москвы от 09.06.2023 по делу № А40-80806/20-44-135Б // СПС «КонсультантПлюс».

Диссертации и авторефераты

113. Калугин В.Ю. Материально-правовые и процессуальные аспекты защиты от конкурсного оспаривания: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2024.

114. Карелина С.А. Механизм правового регулирования отношений несостоятельности (банкротства): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

115. Суворов Е.Д. Проблемы реализации принципа равенства кредиторов несостоятельного должника: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2023.

116. Телюкина М.В. Конкурсное право. Гражданско-правовые проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

117. Тузов Д.О. Реституция в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 1999.

Монографии, учебники, комментарии законодательства

118. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001.

119. Гольмстен А.Х. Учение о праве кредитора оспаривать юридические акты, совершенные должником в его ущерб, в современной юридической литературе / под ред. А.Г. Смирных. М.: Книг ком, 2019.

120. Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий. Ч. 1 / под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011.

121. Grimm D.D. Очерки по учению об обогащении. Вып. 3. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1893.

122. Гутников О.В. Недействительные сделки в гражданском праве: теория и практика оспаривания. М.: Статут, 2003.

123. Дернбург Г. Пандекты. Обязательственное право / пер. под ред. П. Соколовского. М.: Университетская типография, 1904.

124. Карелина С. А. Группа компаний в банкротном праве: монография. М.: Статут, 2025.

125. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / рук. авт. кол. и отв. ред. О.Н. Садилов. 3-е изд., испр., доп. и перераб. с использованием судебно-арбитражной практики. М.: Контракт; ИНФРА-М, 2005.

126. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. Т.Е. Абовой, А.Ю. Кабалкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. Т. 1.

127. Красавчиков О.А. Категории науки гражданского права: избранные труды: в 2 т. 2-е изд., стер. М., 2017. Т. 1, 2.

128. Красавчиков О.А. Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958.

129. Лотфуллин Р.К. Оспаривание сделок при банкротстве. Saveliev, Batanov & Partners, 2019.

130. Малышев К.И. Исторический очерк конкурсного процесса. СПб.: Типография товарищества «Общественная польза», 1871.
131. Несостоятельность (банкротство): учебный курс: в 2 т. / под ред. С.А. Карелиной. М., 2019. Т. 1, 2.
132. Новицкий И.Б. Сделки. Исковая давность. М.: Госюриздат, 1954.
133. Османова Д.О. Злоупотребления при несостоятельности (банкротстве): монография / под ред. О.А. Беляевой. М.: Юстицинформ, 2020.
134. Османова Д.О. Несостоятельность (банкротство) юридических лиц: общий порядок: учебное пособие. М.: Проспект, 2023.
135. Рабинович Н.В. Недействительность сделок и ее последствия. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1960.
136. Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. М.: Статут, 2019.
137. Суворов Е.Д. Банкротство в практике Верховного Суда Российской Федерации и Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации: энциклопедия правовых позиций за 2014–2018 гг. Вып. 2. М.: Статут, 2019.
138. Суворов Е.Д. Оспаривание сделок должника: монография. М.: Статут, 2021.
139. Суханов Е.А. Сравнительное корпоративное право. М.: Статут, 2014.
140. Тарашкевич Л. Теория Павлианской жалобы. Варшава: Типография С. Сикорского, 1897.
141. Шершеневич Г.Ф. Конкурсное право. Казань: Типография Императорского университета, 1898.
142. Шершеневич Г.Ф. Конкурсный процесс. М.: Статут, 2000.
143. Шершеневич Г.Ф. Наука гражданского права в России. М.: Статут, 2003.
144. Шершеневич Г.Ф. Учение о несостоятельности. Казань, 1890.

145. Шишмарева Т.П. Недействительность сделок и действий в процедурах несостоятельности в России и Германии: монография. М., 2018.

Статьи в периодических изданиях

146. Агарков М.М. Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. 1946. № 3–4.

147. Балан А.И., Будылин С.Л. Дело об удержанной автомотрисе, или Спор физиков и лириков в праве // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 1.

148. Белоусов И. Оспаривание договоров дарения и обеспечительных сделок как сделок с неравноценным встречным предоставлением в деле о банкротстве // Цивилистика. 2022. № 6. С. 166–190.

149. Беляева О.А. Предназначение торгов // Журнал российского права. 2013. № 10.

150. Борейшо Д.В. Оспаривание кредиторами отказа от наследства в современном российском праве // Цивилистика. 2022. № 1.

151. Будылин С. Л. Внеконкурсное кредиторское оспаривание: как вернуть выведенные активы? // Юридическая работа в кредитной организации. 2021. № 4 (70).

152. Егоров А.В. Конкурсное оспаривание отказа от принятия наследства // Цивилистика. 2022. № 1.

153. Зайцев О.Р. Оспаривание сделок при банкротстве: о некоторых новеллах Закона № 73-ФЗ // Несостоятельность (банкротство): научно-практический комментарий новелл законодательства и практики его применения / под ред. В.В. Витрянского. М., 2010.

154. Карелина С.А. Подозрительные сделки в процессе несостоятельности (банкротства): правовые проблемы оспаривания // Предпринимательское право. 2012. № 4.

155. Карницкий И.И. О праве кредиторов опровергать сделки, заключенные должником с третьими лицами // Журнал гражданского и уголовного права. 1882. Кн. VI.

156. Карпова А.А. Процессуальная акцентуация порядка исчисления периода оспаривания подозрительных сделок, его правоприменительная эволюция и потребность в изменении правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 3.

157. Кондратьева К.С., Гройсберг А.И. Рассмотрение дел об оспаривании сделок с предпочтением: вопросы теории и практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 4 (30).

158. Конева Д.К. Статья 168 ГК РФ как основание оспаривания сделок должника, совершенных во вред кредиторам // Гражданское право. 2025. № 2.

159. Кораев К.Б. Сущность и значение института оспаривания сделок и иных действий должника в рамках дела о его несостоятельности (банкротстве), его отличия от оспаривания сделок по общим основаниям // Юрист. 2018. № 2.

160. Коциоль Х. Основы и спорные вопросы оспаривания действий должника, совершенных во вред его кредиторам / пер. с нем. К.А. Усачевой // Вестник гражданского права. 2017. № 3. С. 205–294; № 4. С. 199–261.

161. Кузнецов А.А. Крупные сделки и сделки с заинтересованностью // О собственности: сборник статей к юбилею К.И. Скловского. М., 2015.

162. Османова Д.О. Процедура несостоятельности (банкротства): quo vadis? // Lex russica. 2024. Т. 77. № 5.

163. Османова Д.О. Соотношение требований о виндикации и реституции при оспаривании сделок должника-банкрота // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2023. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

164. Родина Н.В. Конкурсное и внеконкурсное оспаривание сделок в делах о банкротстве // Вестник арбитражной практики. 2025. № 1.

165. Свириденко О.М. Оспаривание сделок во вред кредиторам вне процедуры банкротства (внеконкурсное оспаривание) // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 2.

166. Суворов Е.Д. К вопросу о понятии банкротства // Lex russica. 2020. № 11 (168).

167. Телюкина М.В. Понятие сделки: теоретический и практический аспекты // Адвокат. 2002. № 8.

168. Телюкина М.В. Система подозрительных сделок при банкротстве должника в России и Казахстане // Гражданское право. 2014. № 6.

Интернет-источники

169. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству за 2025 год // URL:
<https://download.fedresurs.ru/news/Статбюллетень%20банкротство%202025%20Федресурс.pdf> (дата обращения: 25.04.2026).

170. Сальдирование в банкротстве: когда возможно и чем опасно // URL:
<https://pravo.ru/story/248722/> (дата обращения: 16.07.2025).

171. Шевченко И.М. Оспаривание процессуальных действий должника-банкрота: новое прочтение. О п. 49 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Интернет-портал «PROбанкротство». 27.05.2025. URL:
<https://probankrotstvo.ru/> (дата обращения: 25.04.2026).